СТАТЬИ

С. Б. БУЙСКИХ, А. В. БУЙСКИХ

К ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ХОРЫ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

В современной историографии динамика формирования раннегреческой хоры Нижнего Побужья (рис. 1) в колонизационную эпоху традиционно видится как поступательный процесс, включавший в себя несколько хронологических этапов [Рубан, 1988, с. 7, 16, 17; Крыжицкий и др., 1989, с. 22, 94; 1990, с. 42-43; Отрешко, 1990, с. 14-15; Kryjickij, Bujskih, 1999, p. 273-274; Bujskich S., 2007, S. 116,122.]. Согласно этим представлениям, на первом этапе (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.) в Нижнем Побужье существует единственный античный населенный пункт – ионийское поселение Борисфен на о. Березань. На втором (первая половина VI в. до н. э., ближе к середине этого столетия) – возникают аграрные поселения на побережье Березанского лимана, составлявшие хору Борисфена. На третьем этапе (от середины по третью четверть VI в. до н. э. включительно), в начале которого основывается Ольвия, освоение региона активизируется. В это время сельские поселения распространяются по правому берегу Днепровского лимана, затем Бугского, вплоть до Ольвии. На четвертом этапе, последняя четверть VI – первая четверть V вв. до н. э., Борисфен входит в состав Ольвийского полиса, и хора Ольвии полностью охватывает весь регион Нижнего Побужья, включая и его Левобережье.

Данная точка зрения, являясь наиболее распространенной и не вызывающей особых разногласий, укрепилась и просуществовала в археологической науке почти без изменений около двадцати лет. Однако наше обращение к конкретному археологическому материалу памятников ольвийской хоры этого времени показало, что их датировка требует серьезной современной корректировки, что, соответственно, влечет за собой и пересмотр некоторых устоявшихся исторических концепций и реконструкций, в т. ч. и вышеприведенных. Учитывая важность этого момента для объективного воссоздания общей картины греческой колонизации Нижнего Побужья и процесса формирования и ранних этапов развития в регионе греческого полиса и его хоры, нами было решено предпринять сплошную ревизию некоторых наиболее информативных видов керамики из раскопок архаических поселений.

Поскольку речь идет о керамической коллекции, насчитывающей к настоящему времени несколько десятков тысяч единиц, такую работу решено было провести в несколько этапов. Для начального этапа объектом исследования

мы избрали импортную расписную столовую посуду и сосуды специального назначения. Это, прежде всего, керамика восточногреческого происхождения, поскольку именно в ее хронологии в последние десятилетия произошли существенные изменения. Кроме того, в целом ряде случаев были уточнены и центры производства отдельных групп сосудов. В работу также включены фрагменты коринфских и лаконских сосудов, дополняющих хронологию восточногреческих. Аттическая керамика, серо- и красноглиняная столовая, кухонная и лепная посуда, транспортные амфоры и другие категории находок из керамики, металла, кости, камня и стекла на этом этапе работы привлечены не были[1].

Рассмотрим конкретные памятники.

Викторовка-I (рис. 1, № 1). Основание поселения, исходя преимущественно из амфорного материала, раньше относили к середине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 12][2]. Ревизия показала, что среди находок расписной столовой посуды, представленной открытыми и закрытыми формами, имеются и более ранние экземпляры, которые датируются первой половиной этого столетия. К североионийской продукции стиля LWG относится фрагмент тарелки с загнутым внутрь краем, украшенный разорванным меандром по внутренней стенке и полосами лака по внешней (рис. 2, 1) [Tocra I, Kat Nr 614-621; Чистов, 2006, Илл. 28. 3; Илл. 30. 2; см. идентичную схему декора при отогнутом наружу крае: Tocra I, Kat. Nr 635-637; Histria IV, Kat. Nr 122-126; Utili, 1999, Kat Nr 136-145]. Такие тарелки или блюда, имевшие, как правило, высокую ножку-подставку, относятся к первой половине

[1] В наши задачи не входили также статистические подсчеты находок керамики разных видов, центров производства и установление их количественных соотношений. Памятники ольвийской хоры, о которых пойдет речь ниже, раскопаны неравномерно, поэтому выборки происходящих из них материалов значительно отличаются. Поскольку мы используем материалы не только современных раскопок, но и работ, проводившихся более полувека назад, а также разведок и сборов подъемного материала с территорий памятников, мы не выделяем специально процентный состав керамических комплексов и рассматриваем весь керамический материал по единой схеме: соответственно его происхождения, известных живописных стилей и далее – по основным формам. Данная статья отражает первый этап работы, поэтому с целью максимального охвата материала мы даем только фотографии находок.

В статье использованы материалы раскопок и разведок следующих поселений хоры Ольвии архаического времени: Викторовка-I (С. И. Капошина), Каборга-I, Большая Черноморка-II (В. М. Отрешко), Бейкуш (А. С. Русяева, С. Б. Буйских), Аджигол-I, Чертоватое-VII (С. Б. Буйских), Куцуруб-I, Старая Богдановка-II (К. К. Марченко, Я. В. Доманский), Закисова Балка-I (В. М. Отрешко, С. Б. Буйских), Широкая Балка-I (Б. М. Рабичкин, А. В. Бураков, В. В. Рубан, В. М. Отрешко), Лупарево-II (В. Н. Клюшинцев), Станислав-I (Ю. А. Виноградов), Ягорлык (А. С. Островерхов, Н. П. Оленковский, В. Б. Пиворович), хранящиеся в фондах Института археологии НАН Украины, Национального заповедника «Ольвия» НАН Украины, Херсонского краеведческого музея. Благодарим коллег, предоставивших неопубликованные материалы для работы, а также Н. А. Сон (Киев), Г. И. Кошевую, Т. Н. Шевченко (заповедник «Ольвия»), М. И. Абикулову (Херсон) за помощь в работе с коллекциями.

[2] Ср. с более ранней датировкой – второй половиной VI в. до н. э. [Капошина, 1956, с. 244].

VI в. до н. э. [Борисфен – Березань, 2005, № 62, 63].Скорее всего, к ойнохойе или амфоре этого же стиля принадлежит и фрагмент стенки с двуствольной ручкой (рис. 2, 2) [Cook, Dupont, 1998, p. 54-55].

Значительное место в викторовской коллекции занимают ионийские килики (рис. 2, 4. 6-9). В силу их фрагментарности невозможно утверждать наверняка, к каким типам все они могут принадлежать, хотя очевидно, что в основном они имеют неокрашенный край по внешней образующей и узкую резервную зону под ним. Кроме того, наличие невысоких конических ножек от таких же киликов с концентрическими кругами лака в придонной части (рис. 2, 10-12) позволяет говорить, что они представлены поздними вариантами типа В 1 и В 2 по Вилларду-Валле, т. е. относятся к концу первой четверти и вплоть до середины – начала третьей четверти VI в. до н. э. [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 4, 5; ср.: Histria II, pl. 16-17; Rouillard, 1978, fig. 3] или типом 9 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410]. На поселении найдены и так называемые лаконские килики, украшенные точечным декором в резервной зоне под венчиком (рис. 2, 18. 19). Их находки широко представлены на разных памятниках архаического времени [Tocra I, Kat. Nr 1008; Tocra II, Kat. Nr 2117-2122; ср. их имитации: Ghali-Kahil, 1960, pl. XXII, 34-35], в т. ч. и после середины VI в. до н.э. в Причерноморском регионе [Сидорова, 1992, рис. 18 г; Финогенова, 2006, табл. 1. 2. 5]. К лаконским киликам, скорее всего, относится и фрагмент сосуда с орнаментом в виде удлиненных капель в резервной зоне (рис. 2, 3), оставленных, скорее всего, кистью при круговом движении.

Среди материалов второй половины VI в. до н. э. из Викторовки следует выделить находки разнообразных фрагментов ионийской полосатой керамики, представленных в основном закрытыми формами – одно- и двуручными большими и маленькими кувшинами, кальпидами, гидриями или столовыми амфорами, арибаллическими лекифами с полосами и часто – волнистым или S-видным орнаментом по верхней части тулова и горлу (рис. 2. 13-17, 22. 23). Аналогичные по форме и декоративной схеме сосуды производились разными центрами и известны от конца VII – начала VI в. до н. э. [Furtwängler, 1980, Abb. 17; Utili, 2006, Abb. 1, Taf. 12]. Длительность бытования сосудов с такой схемой декора общеизвестна, исходя из их массовых находок. Причем в целом ряде случаев они являются надежным хронологическим индикатором практически всей второй половины VI в. до н. э. [Clara Rhodos III, fig. 159, 243, tav. III; Clara Rhodos VIII, fig. 179; Cook, 1958-1959, pl. 4; Tocra I, Kat. Nr 587: Erzoy, 2004, 58, fig. 19; Histria II, pl. 30-33; Histria IV, Kat. Nr 644-653; Скуднова, 1988, кат. 87; Сидорова, 1992, с. 162 сл., рис. 16; Алексеева, 1997, табл. 8, 20; Борисфен-Березань, 2005, № 67, 70, 77, 79-80]. К этому же времени относится и небольшая тарелка с отогнутым бортиком, украшенным концентрическими полосами лака (рис. 2, 5). Идентичные тарелки обнаружены в ольвийском некрополе в погребальных комплексах вместе с амфорами с волнистым орнаментом [Скуднова, 1988, кат. 87; см. также: кат. 178]. Найдены и фрагменты венчиков ионийского

лекифа, скорее всего, арибаллической формы, и аска второй половины – конца VI в. до н. э. (рис. 2, 20. 21). Коринфская керамика представлена находкой котилы с орнаментом из вертикальных зигзагов по венчику (рис. 2, 24) позднекоринфского времени, второй половины VI в. до н. э. [Corinth XV, III, Kat. Nr 1718-1720].

В целом, несмотря на небольшую коллекцию находок, совершенно очевидно, что среди материалов поселения Викторовка-I имеются не только керамические фрагменты середины – второй половины, но и первой половины VI в. до н. э.

Каборга-I (рис. 1, № 12). В историографии основание поселения отнесено к середине – второй половине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 15]. Однако, несмотря на то, что коллекция привозной расписной керамики, происходящей из небольших разведочных раскопок памятника, пока немногочисленна, она все же представлена формами не только второй, но и первой половины VI в. до н. э. При этом отметим, что здесь пока неизвестны керамические фрагменты, которые можно было бы уверенно соотнести с ионийскими мастерскими первой половины VI в. до н. э. Ассортимент ионийской керамики не очень разнообразен, это в основном небольшое количество сосудов с полосами. Среди них значительное место занимают ионийские килики. Один из них археологически целый глубокий сосуд на плоском поддоне, полностью покрытый темным лаком по внутренней стенке, за исключением центрального медальона, и снаружи, исключая резервную полосу в зоне ручек, оставленную в цвете глины (рис. 3, 1). Такие сосуды относятся к типу B 2 по Вилларду – Вале [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 4, 5; см. также: Rouillard, 1978, fig. 3, 1] или типу 10 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410]. Такой килик может быть продатирован первой половиной VI в. до н. э.

Найдены также придонные части чаш или поздних ионийских киликов второй половины VI в. до н. э. на кольцевых поддонах, покрытых тусклым темным лаком внутри и акцентированных полосой лака у дна (рис. 3, 3. 4), кувшинов или амфор (рис. 3, 13) и небольших одноручных кувшинчиков на плоских поддонах (рис. 3, 14). Последние имели широкое распространение в течение всей второй половины VI в. до н. э. [см., напр.: Histria IV, Kat. Nr 671-673; Скуднова, 1988, кат. 167, 217]. Отметим также находку ионийского полосатого лидиона на расширяющейся ножке-поддоне (рис. 3, 11) [близкие формы см.: Pierro, 1978, Fig. 17-20; Скуднова, 1988, кат. 174]. Интерес представляет и керамика материковой Греции. К середине – третьей четверти VI в. до н. э. относятся лаконские килики с точечным декором в резервной зоне (рис. 3, 3) [Tocra I, p. 89, Nr 1007].

Редкостью для керамического комплекса поселений ольвийской хоры является находка фрагментов т. н. футбольного или линейного арибалла с палочным орнаментом на плечах (рис. 3, 5), который обычно относят к раннекоринфскому и среднекоринфскому стилям, т. е. не позднее 575 г. до н. э. [Histria II, Kat. Nr 288; Schaeffer, Ramage, Greenewalt, 1997, Kat. Nr 91-96; ср.: Dehl- von Kaenel,

1995, Kat. Nr 331]. Найдены также миниатюрные коринфские котилы и скифосы с полосой вертикальных зигзагов под венчиком и придонных частей с лучевым орнаментом [Corinth XV. III, Kat. Nr 1718-1721] (рис. 3, 6-9), относящиеся к позднекоринфскому стилю – второй половине – концу VI в. до н. э. и имеющие массовое распространение на причерноморских памятниках [Corinth XV, III, Kat. Nr 1317; 1718-1720; напр. в Истрии: Histria IV, Kat. Nr 274-274; Ольвии: Русяева, 2006 а, рис. 176; Гермонассе: Сидорова, 1987, рис. 6, г; Пантикапее: Сидорова, 1992, рис. 19, д]. Из фрагментов других сосудов отметим также венчик, скорее всего, амфориска (рис. 3, 10), сосуда, типичного как для среднекоринфского, так и позднекоринфского стилей [Corinth XV. III, Kat. Nr 1210; Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 985, 995]. Из-за небольших размеров определить точнее этот фрагмент затруднительно.

Как видно, и на поселении Каборга-I имеются материалы первой половины VI в. до н. э., которые, несмотря на их малочисленность, позволяют говорить о несколько более раннем начале жизни на поселении, чем предполагалось прежде.

Большая Черноморка-II (рис. 1, № 14). Как и два предыдущих, это поселение считалось возникшим в середине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 16]. Существует также точка зрения, основанная на общем знакомстве с керамическим комплексом поселений этого микрорегиона ольвийской хоры, что все они были основаны еще в первой половине этого столетия, при том, что единичные фрагменты, найденные на них, возможно, относятся еще к концу VII в. до н. э. [Рубан, 1988, с. 7; Отрешко, 1990, с. 9]. Однако это мнение не было подкреплено конкретным анализом керамических находок. Между тем, обширная керамическая коллекция памятника давно уже требует пересмотра и уточнения датировок разных категорий сосудов.

Расписная столовая посуда включает в себя большое количество разнообразных закрытых и открытых форм. Интересно, что все наиболее ранние керамические фрагменты относятся к продукции североионийских мастерских. Стиль LWG представлен фрагментами нескольких закрытых сосудов. Прежде всего, это фрагмент стенки кратера с изображением пасущегося козла, выполненного в чернофигурной технике с использованием гравировки и накладной краски – пурпура (рис. 4, 1). Ближайшей стилистической аналогией этому изображению является фрагмент кратера из Истрии [Histria IV, Kat. Nr 54]. Диносу или кратеру принадлежали несколько стенок с изображением идущего льва с раскрытой пастью, выполненного в технике гравировки, с использованием накладных красок – пурпура и белил (рис. 4, 7). Подобные североионийские кратеры в массовом количестве происходят из раскопок Березани [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 37-38; Чистов, 2007, илл. 31, 6]. Скорее всего, таким или подобным сосудам принадлежал еще целый ряд фрагментов стенок, а также отогнутый край кратера с меандром (рис. 4, 4. 9. 12. 15-17) и фрагмент амфоры или кратера с изображением крыла сфинкса (?) (рис. 4, 26).

К продукции североионийских центров принадлежат и фрагменты крупных столовых амфор с вписанными окружностями и разделяющими их цветами лотоса (рис. 4, 10. 11), в массовом количестве известные по находкам в причерноморских городах [Истрия: Histria IV, Kat. Nr 13-14; Борисфен: Чистов, 2006, илл. 30, 8; Ольвия: Скуднова, 1988, кат. 4; Bujskikh A., 2007, Taf. 60]. Их существование, судя по керамическим комплексам, приходится в основном на вторую – начало третьей четверти VI в. до н. э. С североионийской продукцией этого же времени можно связывать и целый ряд других фрагментов (рис. 4, 13. 14. 21. 22, 31-34).

Клазоменская керамика из Большой Черноморки не столь выразительна. Имеется несколько фрагментов небольших столовых амфор с чешуйчатым орнаментом (рис. 4, 23-25). Последние, как известно по их многочисленным находкам в закрытых комплексах на разных памятниках, и прежде всего северопричерноморских, существуют всю вторую половину VI в. до н. э. и доживают до начала следующего столетия [Леви, 1964, с. 155, рис. 23; Скуднова, 1988, кат. 25; Домжальский, Чистов, 2003, с. 5, рис. 5]. С североионийской продукцией, стилистически близкой кругу Клазомен, связан и фрагмент стенки с изображением водоплавающей птицы – лебедя (?) (рис. 4, 8).

Со стилем LWG соотносятся и открытые сосуды – тарелки с разорванным меандром по краю (рис. 4, 2. 3. 5). Сохранившиеся экземпляры имеют отогнутый бортик, а в центре лепестки розетты, чередующиеся с «елочкой». Тарелки с таким декоративным сюжетом известны в Средиземноморье, импортировались они и в Причерноморский регион [Tocra I, Kat. Nr 665; Histria IV, Kat. Nr 112]. Открытые формы представлены и мелким фрагментом края блюда (рис. 4, 6), находки которых обычны для первой четверти VI в. до н. э. и уже неизвестны в комплексах второй четверти этого столетия. Из-за плохой сохранности трудно уверенно определить его тип, но, скорее всего, это было блюдо с фризовой росписью, подобной той, в которой крайний фриз имел декор из ленты спиралей [общий тип блюд: Histria IV, Kat. Nr 133; Paspalas, 2006, p. 94, fig 1. 2]. Несколько более поздним временем, но в пределах второй – начала третьей четверти VI в. до н. э. следует продатировать и край небольшой тарелки, скорее всего, также североионийского происхождения, имевший роспись в виде шести параллельных полос, нанесенную белой краской (рис. 5, 19) [Tocra I, 683-696; Utili, 1999, Kat. Nr 215-218].

Ионийские килики, судя по характеру профилировки и покрытию внешних и внутренних стенок, представлены типом B 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, 29, fig. 5] или группа 9 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410] и относятся ко второй – третьей четвертям VI в. до н. э. (рис. 5, 1. 2. 8. 9. 10. 14). К типу ионийских киликов указанной группы B 2 относится и фрагмент венчика с орнаментом в виде оливковой ветви, нанесенной лаком, с точками – белой краской в резервной зоне (рис. 5, 13). Несмотря на то, что такие сосуды известны по разным памятникам [Tocra I, Kat. Nr

1292-1297; Thalmann, Kat. Nr 76], в Нижнем Побужье они происходили ранее только из раскопок Березани [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 25].

В коллекции представлены и фрагменты киликов парросской группы (рис. 5, 11-12) с декором из вертикальных полос и вписанных окружностей в резервной зоне. На всех памятниках, где найдены подобные сосуды, они являются своеобразным индикатором начала второй половины VI в. до н. э. [Tocra I, Kat. Nr 918-919; ср.: Ghali-Kahil, 1960, pl. XXII; в Причерноморье: Histria II, Kat. Nr 261, pl. 15; Сидорова, 1992, рис. 18, д; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 60, рис. 203, 1; Русяева, 2006, рис. 168, 1. 2; Финогенова, 2006, табл. 1, 12]. Имеется также и несколько фрагментов чаш с точечными розеттами (рис. 5, 17. 18), которые относятся, судя по небольшой толщине стенок и невысокому декоративному фризу, к их позднему варианту. Они существовали от конца второй четверти и практически всю третью четверть VI в. до н. э., будучи широко представленными на разных памятниках [о типе чаш с точечными розеттами см.: Kinch, 1914, pl. 25; Histria II, Kat. Nr 127-145, 155-157, 184-199; Utili, 1999, Kat. Nr 15-20; Cook, Dupont, 1998, 26-27]. Известны они и в комплексах второй половины VI в. до н. э. ольвийского некрополя [Скуднова, 1988, кат. 79]. Производным и упрощенным вариантом от чаш с точечными розеттами является и фрагмент чаши, в которой резервная зона сокращена до ширины прилепов ручек (рис. 5, 25). Такие сосуды имели широкое распространение вплоть до начала V в. до н. э. [Histria II, Kat. Nr 511-514; Скуднова, 1988, кат. 28, 29, 158]. Ко второй половине VI в. до н. э. можно отнести и придонные части чаш, расписанные концентрическими полосами лака разной ширины (рис. 5, 24. 26. 27). В широком ассортименте они найдены на многих памятниках позднеархаического времени [см., напр.: Histria II, pl. 36; Ersoy, 2004, fig. 17].

На поселении обнаружено и значительное количество так называемой ионийской полосатой керамики, представленной в основном закрытыми формами – двуручными столовыми амфорами и различного рода небольшими сосудами. Все они имеют характерный декор, нанесенный красно-коричневым лаком, в виде одного или двух рядов петлевидного орнамента по плечам и полос в нижней части тулова, а также пятен лака по ручкам (рис. 4, 18; 5, 20-22). Находки таких сосудов многочисленны и типичны для второй половины VI в. до н. э. [как хронологический индикатор см.: Скуднова, 1988, кат. 87; Ersoy, 2004, fig. 19]. Отметим редкий для нижнебугских памятников этого времени привозной кухонный горшок с аналогичным петлевидным орнаментом (рис. 5, 23).

К категории ионийской полосатой керамики относятся также аски (рис. 5, 28. 29) и лидион (рис. 5, 30). Подобные аски, исходя из подпрямоугольной в сечении формы, полосы лака, захватывающей нижний прилеп ручки, а также устья, расписанного стилизованными овами, характерны для середины – второй половины VI в. до н. э. [о динамике формы асков в VI в. до н. э. см.: Ильина, 2000, с. 205; о находках асков такого типа: Сидорова, 1992, рис. 18, е; о группах асков из Ольвии: Скуднова, 1945, с. 131 сл.].

Широко представлена на этом поселении продукция южноионийских мастерских. Это многочисленные фрагменты столовых амфор стиля Фикеллура (рис. 6). Все они имеют стандартный декор венчиков, горл, трехствольных ручек и стенок в виде орнаментов из цветов и бутонов лотосов, ов, пальметт, фризов с лунарным орнаментом, и относятся к середине – третьей четверти VI в. до н.э. [Cook, Dupont, 1998, p. 77 ff.]. Среди многочисленных фрагментов этих амфор можно выделить только один с фризом фигур, судя по остаткам стопы над лентой палочного орнамента, разделявшего фризы (рис. 6, 36). Этот фрагмент может быть соотнесен с группой J или Альтенбургского мастера по Р. Куку [Cook, 1936, p. 15 f.; Schaus, 1986, p. 261 ff.]. Остальные фрагменты, в силу их фрагментарности, трудно соотнести с какой-либо из известных групп этого стиля. Кроме столовых амфор, которым в абсолютном большинстве принадлежали фрагменты найденных сосудов, это могли быть и амфориски, судя по характеру палочного декора на плечах и у основания (рис. 6, 21. 22. 24. 32). Время существования амфорисков известно в течение практически всей второй половины, вплоть до конца VI в. до н.э.

Кроме тех фрагментов сосудов, которые в настоящее время уверенно определяются как имеющие милетское происхождение, в керамическом комплексе Большой Черноморки присутствуют фрагменты столовой амфоры, которые точно имитируют их форму и основные декоративные приемы (рис. 6, 3. 4. 10. 11. 30). Тем не менее, их нельзя определять как южноионийские на основании визуального наблюдения над глиной – плотной, почти белой, без видимых включений. Очевиден и нехарактерный для стиля Фикеллура декоративный мотив в виде неровной волнистой линии под венчиком и горлом[3].

В состав керамической коллекции памятника входят фрагменты хиосских сосудов чернофигурного стиля второй четверти – середины VI в. до н. э. [Lemos, 1991, p. 133 ff.]. Это край хиосского кубка (рис. 4, 19) с палочным орнаментом между двумя тонкими линиями [Lemos, 1991, p. 167, fig. 91, 3] и венчик небольшого горшочка с орнаментом в виде треугольных лучей по отогнутому краю (рис. 4, 20). Такие и подобные горшочки известны по находкам на Березани и в Ольвии, и, судя по сопровождающему материалу из одного погребального комплекса ольвийского некрополя [о типе горшочков: Lemos, 1991, Kat. Nr 1639-1647; их находках на Березани: Ильина, 2005, кат. № 202; Ольвии: Русяева, 2006, рис. 170, 4; Скуднова, 1988, кат. 222], они могли заходить и в начало второй половины VI в. до н. э.

На фоне значительного керамического импорта из Ионии обращает на себя внимание в целом небольшое количество сосудов из материковой Греции. Это фрагменты лаконских киликов с точечным орнаментом (рис. 5, 3-7)

[3] Несколько близких фрагментов нам известно и в Ольвии. Это, однако, не дает права рассуждать об их ольвийском производстве без специальных анализов глиняного теста. Вопрос о происхождении этих имитаций стиля Фикеллура пока остается открытым.

и коринфские сосуды, в частности, венчик крупного арибалла с орнаментом из лепестков (рис. 4, 27), арибаллы с изображением стилизованных цветов лотоса (рис. 4, 29. 30) третьей четверти VI в. до н. э. Такие сосуды известны по массовым находкам, в т. ч. и в ольвийском некрополе [Скуднова, 1988, кат. 67, 194, 216, 222 (в комплексе с хиосским горшочком), 227, 263]. К позднекоринфскому стилю относится фрагмент глубокого скифоса со сплошным лаковым покрытием верхней части, двумя полосами пурпура и лучевым орнаментом в придонной части (рис. 4, 28) – сам по себе этот декор существовал длительное время и характерен как для среднекоринфского, так и позднекоринфского стилей [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 2061, 2366].

Таким образом, как показал анализ керамического материала, основание поселения Большая Черноморка-II следует относить не к концу VII, или середине VI в. до н. э., как считалось ранее, а к первой четверти VI в. до н. э.

Бейкуш (рис. 1, № 17). Возникновение памятника по разным данным относили то к середине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 17], то к промежутку от конца VII до начала VI в. до н. э. [о конце VII в. до н. э. см.: Рубан, 1988, с. 7; Отрешко, 1990, с. 9; о начале VI в. до н. э.: Buiskikh, 2001, p. 330; Bujskich, 2006, S. 143; Bujskikh, 2007 a, S. 203]. Подчеркнем, что последнее заключение было подкреплено предварительным анализом археологических материалов, происходящих из раскопок памятника. Наша же ревизия расписной керамики Бейкуша, которая в количественном и качественном отношениях сопоставима с коллекцией Большой Черноморки-II, показала следующее.

Расписная керамика Бейкуша представлена разнообразными закрытыми и открытыми формами. Наиболее ранние – это два небольших фрагмента закрытых сосудов, стилистически близкие группе Лондонского диноса (рис. 7, 1. 2)[4]. Настаивать именно на этом типе сосудов трудно из-за незначительных размеров, однако их наиболее вероятное эолийское происхождение и датировка в пределах начала первой четверти VI в. до н. э., исходя из заполнительного орнамента в виде вписанных треугольников [об эолийской керамике, датировке и происхождении см.: Cook, Dupont, 1998, 56 ff.; Kerschner, 2006, p. 109 ff.] вряд ли подлежит сомнению.

Керамика стиля LWG представлена фрагментами крупных закрытых сосудов с изображением бегущего козла и заполнительного орнамента в виде розеток в центральном фризе (рис. 7, 3), а также стенками подобных сосудов, в том числе с полосой меандра над или под таким фризом (рис. 7, 9. 10) [Cook, Dupont, 1998, p. 54-55]. Не исключено, что к сосудам этого типа принадлежала и двуствольная ручка, скорее всего, также ойнохойи (рис. 7, 12). Со стилем LWG связаны тарелки, имеющие отогнутый бортик и украшенные меандром

[4] В диссертации В. М. Отрешко приведен рисунок еще одного фрагмента подобного сосуда [Отрешко, 1990 а, рис. 27, 2; см. также: Крыжицкий и др., 1989, с. 68, рис. 25, 4], который нам не удалось обнаружить в коллекции памятника.

по краю, цветами лотосов и концентрическими кругами по вместилищу (рис. 7, 4-8). Одна из них имеет ленту непрерывного меандра по краю (рис. 7, 4), что также известно для тарелок этого типа, хотя и встречается реже [Utili, 1999, Kat. Nr 201, 203]. Фрагмент другой тарелки включает «елочный» орнамент между лепестками розетты в центре, являясь полной аналогией тарелке, найденной на Большой Черноморке-II. Тарелкам или блюдам этого типа принадлежит и высокая ножка-подставка (рис. 9, 5). К группе североионийских расписных ваз типологически примыкает и фрагмент стенки столовой двуручной амфоры с концентрическими окружностями по плечам, разделенными цветами лотосов (рис. 7, 11).

Интерес представляет и большая коллекция ионийских киликов из Бейкуша. Они принадлежат типам B 1 (поздним вариантам) и B 2 по Виллард-Валле [Villard, Vallet, 1955, 29, fig. 4, 5] или типам 9-10 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410], охватывают значительный диапазон существования от конца первой, всю вторую, третью, скорее всего, также и последнюю четверти VI в. до н. э. (рис. 7, 23-26, 28; 8, 1-9; 9, 1-4, 6). Наиболее ранними являются – глубокий килик с полностью окрашенной внутренней стенкой и тонкой резервной полосой у края (рис. 8, 1) и высокая коническая ножка от такого же сосуда (рис. 7, 28). Редкой для поселений ольвийской хоры является находка фрагмента венчика килика с тонкими полосами лака по внутренней стенке, не выходящего за середину VI в. до н. э. (рис. 7, 23) [определение в качестве аттической продукции: Tocra I, Kat. Nr 1352-1365; как самосская, подражающая аттической: Walter-Karydi, 1982, Kat. Nr 59-71; как восточногреческая: Rouillard, 1978, fig. 4, 4; см. также: Alexandrescu, 2005, C 172, p. 361].

Среди сосудов второй половины VI в. до н. э. следует отметить килик на кольцевом поддоне, покрытый красно-коричневым лаком внутри, за исключением центрального медальона и тонкой резервной полосы у края, а также полосами по внешней образующей венчика, ниже зоны ручек и в придонной части (рис. 8, 7. 8). Морфологические признаки сосуда, общая схема росписи, глиняное тесто с большим количеством визуально различимых включений, небрежно смоделированные и прикрепленные ручки позволяют подвергнуть сомнению его ионийское происхождение. Не исключено, что этот килик относится к категории колониальных имитаций, возможно, и ольвийского происхождения, что требует, однако, дополнительной аргументации. Нам известны сосуды идентичной формы и с той же схемой росписи из Ольвии, где они были найдены в полуземлянке последней четверти VI в. до н. э. (раскопки В. В. Крапивиной и А. В. Буйских, 2008 г.).

На поселении найден фрагмент килика с лотосами (рис. 7, 13). Подобные сосуды хорошо известны [Histria IV, Kat. Nr 234], найдены они также и на Березани, и в Ольвии с материалами первой половины VI в. до н. э. [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 46; Русяева, 2006, рис. 168, 3. 4], но на ольвийской хоре фрагмент такого сосуда встречен впервые. Большим количеством пред-

ставлены килики с точечными розеттами (рис. 7, 14-18) и их (или близкие им) поздние тонкостенные варианты на кольцевых поддонах с лучевым или палочным орнаментом (рис. 7, 21. 22. 27). Имеются также килики паросской группы (рис. 7, 19. 20). Керамический комплекс Бейкуша не отличается от поселения Большая Черноморка-II и большой коллекцией ионийской полосатой керамики. Она представлена теми же формами, в основном, закрытыми сосудами – столовыми амфорами, небольшими одноручными кувшинчиками, кубками, а также микроформами (рис. 9, 12-16; 10, 2. 4. 6-11. 15). К этой же категории керамики принадлежат и полосатые аски (рис. 10, 1. 3), светильники (рис. 10, 11. 12), а также открытые формы типа мисок или тарелок (рис. 9, 8-10. 17). Аск, судя по форме тулова, вертикально поставленному горлу и округлой в сечении ручки, относится к ранним типам этих сосудов и может датироваться не позднее середины VI в. до н. э. [Скуднова, 1945, с. 131 сл.].

Необходимо обратить внимание на миски с загнутым внутрь венчиком, расписанные внутри и снаружи тонкими полосами красной краски (рис. 9, 7. 11). Ольвийская коллекция обладает значительным количеством таких сосудов, причем, судя по нашим наблюдениям над движением разных типов сосудов в закрытых керамических комплексах, они появляются ближе к концу третьей четверти VI в. до н. э., а к концу этого и началу следующего столетия они превалируют в составе комплексов наряду с серолощеной столовой посудой. Мы уже высказывали предположение о возможном местном (ольвийском) производстве таких сосудов, исходя из их морфологических признаков и учитывая их массовое распространение в самой Ольвии и во всем нижнебугском регионе [Буйских А., 2004, с. 40]. Такая идея не противоречит и мнению о том, что часть сосудов из Березанской коллекции и, прежде всего, аналогичные открытые формы, декорированные полосами, также являются местной колониальной продукцией, имитировавшей привозную восточногреческую керамику[5].

В Бейкуше найдены и немногочисленные фрагменты хиосской керамики, представленные преимущественно небольшими одноручными кувшинчиками на плоских поддонах с ангобированным туловом и полосами красно-оранжевого лака (рис. 10, 13. 14. 20). Их находки многочисленны и обычно характерны для слоев и комплексов второй половины VI в. до н.э. [Ильина, 2005, Кат. № 229-233].

Расписная столовая керамика середины – третьей четверти VI в. до н. э. представлена фрагментами южноионийских столовых амфор и амфорисков стиля Фикеллура. Как и с аналогичными керамическими фрагментами из Большой Черноморки, в целом ряде случаев определение конкретных стилистических групп затруднено в силу их фрагментарности. В то же время очевидно, что в основной массе они принадлежат ранним группам по классификации

[5] Р. Позаментир воздержался от атрибуции аналогичных березанских сосудов как произведенных на Березани[Posamentir,2006,p.166-167].

Р. Кука, не выходящим за пределы 30-х гг. VI в. до н. э. Следует выделить горло столовой амфоры с декором в виде крупной плетенки и меандра с разных сторон, стандартным палочным и плющевым орнаментом на плечах и отдельными волютами на тулове (рис. 11), принадлежащим группам О – Р по Р. Куку [Cook, 1936, p. 30 ff.; Cook, Dupont, 1998, p. 85; см. также: Histria IV, Kat. Nr 163]. Такие сосуды представляют собой наиболее поздний этап существования амфор стиля Фикеллура, вплоть до начала V в. до н. э. Другой фрагмент принадлежал подобной амфоре со сложным меандром (рис. 12, 9), среди прочих фрагментов аналогичных амфор с лунарным орнаментом (рис. 12, 1-3. 6-8. 10), имеется небольшой фрагмент амфоры с фризовым изображением бегущей собаки (рис. 12, 4). Иконография собаки характерна для амфор группы М (Вюрцбург) по Р. Куку [Cook, 1936, 24 ff., fig. 8]. Фрагменты амфор с аналогичным изображением собаки найдены на Березани [Борисфен-Березань, 2005, Кат. № 108] и в Истрии [Histria IV, pl. 15, Kat. Nr 156].

Североионийская продукция второй половины VI в. до н. э. представлена клазоменской керамикой. Она дает многочисленные фрагменты сосудов с чешуйчатым орнаментом (рис. 12, 15-18) и столовых амфор в чернофигурной технике. И если первые типичны практически для всех памятников Северного Причерноморья второй половины VI в. до н. э., то находки чернофигурных клазоменских сосудов на Бейкуше представляют интерес. Это крупные столовые амфоры (рис. 12, 11-13) и фрагмент сосуда, горло которого повторяет схему росписи клазоменских столовых амфор с центральной пальметтой (рис. 12, 14) и может рассматриваться как имитация клазоменской чернофигурной вазописи. Бейкушские фрагменты с изображениями сирен, комаста и лани принадлежали трем сосудам класса Энман [Cook, 1933/34, p. 134 ff.; Cook, Dupont, 1998, p. 103-104]. Находки клазоменских сосудов, особенно класса Энман, часты в Нижнем Побужье [Копейкина, 1979, с. 7 сл.]. Стилистически фрагмент сосуда с изображением лани с повернутой назад головой на тонком поводке (?) (рис. 12, 12) близок амфоре с пасущимся оленем из Тузлинского некрополя на Тамани [Сорокина, 1957, табл. 2].

Коринфская керамика дает фрагмент крупного закрытого сосуда с изображением ног птицы или сирены (рис. 10, 16). Небольшие размеры не позволяют точно определить стилистическую принадлежность, однако беглый характер гравировки, пятна пурпура все же предполагает его близость среднекоринфскому стилю [ср. с изображениями птиц на сосудах раннекоринфского: Corinth VII, II, Kat. Nr 194-198 и среднекоринфского стилей: Corinth VII, II, Kat. Nr 87]. В Бейкуше найдено также значительное количество фрагментов миниатюрных котил с декором в виде вертикальных зигзагов и прямых линий позднекоринфского стиля (рис. 10, 17-19) [Corinth XV, III, Kat. Nr 1684-1689]. С Родосом традиционно связывается происхождение ойнохой, декорированных черным лаком по тулову и украшенных по плечам язычками, залитыми попеременно пурпуром и белой краской [Kinch, 1914, pl. 11, 1-3]. До сих пор в регионе Нижнего Побужья

такие сосуды были известны только по находкам на Березани [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 66; Posamentir, 2006, 159, fig. 1], поэтому находка фрагмента такого сосуда на Бейкуше (рис. 10, 21) заслуживает особого внимания.

Итак, как видим, в коллекции бейкушской керамики присутствуют фрагменты столовых сосудов практически от самого начала первой четверти VI в. до н. э., и они равномерно распределены в течение всего этого столетия.

Кущуруб-I (рис. 1, № 21). Поселение считалось возникшим во второй половине VI в. до н.э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 19-20; Марченко, Доманский, 1991, с. 60]. Рассмотренные нами материалы позволяют уточнить эту дату. Наиболее ранний из найденных здесь керамических фрагментов – это верхняя часть коринфского арибалла с язычковым орнаментом на плечах (рис. 13, 3), который датируется в пределах среднекоринфского времени или первой четверти VI в. до н. э. [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 301 ff.]. Имеется и находка поздней коринфской котилы с фризом зигзагом под краем (рис. 13, 13). Несомненно, к середине – началу третьей четверти VI в. до н.э. относится фрагмент плечевой части североионийской столовой амфоры со вписанными окружностями на плечах, разделенных цветами лотосов (рис. 13, 1). Скорее всего, в пределах третьей четверти этого же столетия следует датировать и стенку крупной столовой амфоры североионийского производства, не исключено, что круга Клазомен, с изображением животного (?) (рис. 13, 2).

Среди находок значительное количество принадлежит фрагментам ионийской полосатой керамики, представленной преимущественно закрытыми формами на кольцевых поддонах, с петлевидным орнаментом по плечам, с овальными или двуствольными ручками (рис. 13, 5-12). Возможно, к продукции Хиоса относится фрагмент стенки миниатюрного закрытого сосуда с плотным белым ангобом, расписанным по верху полосами и петлями (рис. 13, 4). На поселении найден также еще целый ряд фрагментов хиосских сосудов – ангобированных кувшинчиков с окрашенным лаком горлом (рис. 13, 14-15) и двуручных канфаров (рис. 13, 16-18) [см. также: Марченко, Доманский, 1991, рис. 5, 2].

Открытые формы представлены ионийским киликом, внутренняя стенка которого полностью покрыта лаком [Марченко, Доманский, 1991, рис. 8, 4], что характерно для поздних типов этих сосудов. Скорее всего, такому же варианту килика принадлежит и коническая, с уплощенным основанием ножка, полностью покрытая лаком (рис. 14, 5). Такие сосуды принадлежат поздним типам второй половины VI в. до н. э. Следует отметить археологически целые одноручную миниатюрную чашу и миски с загнутыми внутрь краями с полосами лака по внутренней стенке [см. рис.: Марченко, Доманский, 1991, рис. 8, 1-3]. Коллекция таких сосудов значительна, причем некоторые из них имеют по краям отверстия для подвешивания, сделанные до обжига по сырой глине (рис. 14, 1. 3. 4. 7-9. 13).

Среди находок на поселении обращает на себя внимание группа сосудов, представленная открытыми формами (в т. ч. крышкой леканы), характерной

особенностью которых является декор в виде полос, нанесенный красной краской или сплошное покрытие поверхности такой же краской (рис. 14, 10-12. 14). На сегодняшний день у нас уже имеется достаточно оснований говорить о том, что эти сосуды не являлись привозными, а принадлежали местному ольвийскому производству. Большое количество таких сосудов, включая подражания ионийским киликам, происходит из Ольвии, где, по нашим наблюдениям, их количество начинает расти от конца третьей четверти VI в. до н. э., а к концу VI – началу V в. до н. э. они вообще становятся одной из массовых категорий находок. О том, что эти формы не являлись импортными, по крайней мере, из Ионии, говорит не только характер именно красочного, а не лакового покрытия. Всех их отличает также значительная толщина черепка, качество глиняного теста, наличие крупных кольцевых поддонов, в целом, небольшой ассортимент форм. Отметим, что массовое мастное производство сосудов открытых и закрытых форм, подражающих по форме и схемам декора в виде полос привозным ионийским, в принципе, известно по разным областям греческой Ойкумены именно для второй половины VI в. до н. э. [Rouillard, 1978, fig. 6-14].

К категории сосудов специального назначения следует отнести ионийский гуттус [Марченко, Доманский, 1991, рис. 8, 6] и перекидную ручку аска (рис. 13, 19). Все эти формы датируются последней четвертью – ближе к концу VI в. до н. э. К более раннему времени, не исключено, что к первой половине VI в. до н. э., относится профилированное вертикальное горло крупного аска (рис. 13, 20).

В целом, несмотря на то, что большая часть найденных на поселении керамических фрагментов действительно датируется второй половиной VI в. до н. э., имеются экземпляры, позволяющие говорить о более раннем времени его возникновения, т. е. в первой половине VI в. до н. э.

Аджигол-I (рис. 1, № 36). Начало жизни на этом поселении ранее относили к последней четверти VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 23; Буйских, 2005, с. 176]. Тем не менее, несмотря на небольшой объем проведенных здесь раскопок и соответствующую ему керамическую коллекцию, и на этом поселении имеются фрагменты более раннего времени, а именно – третьей четверти этого столетия. К ним, прежде всего, относится венчик коринфской котилы с орнаментом по фризу в виде гирлянды из бутонов лотосов (рис. 15, 1), относящейся к позднекоринфскому времени [Dehl-von Kaenel, 1995, Kat. Nr 2414]. К позднему чернофигурному стилю относится небольшой фрагмент закрытого хиосского сосуда, возможно, двуручного горшочка или ойнохойи с изображением утки и заполнительного орнамента (рис. 15, 3). Следует сказать, что А. Лемос колеблется с точным определением верхней даты таких сосудов, относя ее широко ко всей второй половине VI в. до н. э. [Lemos, 1991, p. 190]. Однако мнение Р. Кука о том, что группы чернофигурного стиля хиосской вазописи в целом не выходят за пределы 40-х гг. этого столетия [Cook, Dupont, 1998, 75; см. также датировку хиосских

сосудов того же типа с Березани не позднее середины VI в. до н. э.: Ильина, 2005, кат. № 202] соответствует нашим наблюдениям над движением различных групп привозной расписной керамики в ольвийских комплексах этого времени. В пределах второй половины VI в. до н. э. может датироваться ручка хиосского кувшинчика или кубка с полосой лака по ангобу (рис. 15, 2).

Кроме этих фрагментов, на поселении найдены также фрагменты поздних ионийских киликов (рис. 15, 10. 12) группы В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также: Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9], а также многочисленные фрагменты закрытых сосудов разных форм, соотносимые с ионийской полосатой керамикой (рис. 15, 4-7. 9. 13). Следует отметить находки асков (рис. 15, 8) и многочисленных светильников (рис. 15, 14-17). Среди находок в жилом комплексе выделим и миниатюрную гидрию из светлой глины (рис. 15, 18). Аналогичный сосуд был найден в одном из жилищ последней трети VI в. до н. э. в Ольвии (раскопки В. В. Крапивиной, А. В. Буйских, 2004 г.). Не акцентируя внимания на происхождении этого сосуда (был он привозным или принадлежал местной, ольвийской работе), отметим только, что находки таких микроформ характерны для позднеархаических жилых и культовых комплексов в целом и широко известны на разных памятниках [см., напр.: Boardman 1967, Kat. Nr 902, 3].

Таким образом, несмотря на ограниченную информационную базу, все же видно, что на поселении Аджигол-I присутствуют материалы самого начала третьей четверти VI в. до н. э., удревняющие начальный период жизни и на этом поселении.

Закисова Балка-I (рис. 1, № 39). Ранние слои поселения отнесены ко второй половине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 25]. Несмотря на небольшой объем проведенных здесь охранных работ, материалы охранных раскопок позволяют уточнить время возникновения поселения. Среди наиболее ранних следует назвать фрагменты ионийских киликов с полосами лака (рис. 16, 1. 4) группы В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см.также Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9], время выпуска которых охватывает вторую четверть – середину VI в. до н. э. К этому же времени относится и килик с точечными розеттами (рис. 16, 2), а также ряд других открытых форм, в т. ч. миски с каннелюрами по внешнему краю (рис. 16, 3. 5. 6). Керамика североионийских центров представлена фрагментами крупных расписных столовых сосудов, близких по стилю кругу Клазомен (рис. 16, 7. 9). Характерно и присутствие крупных фрагментов ионийских полосатых столовых амфор с петлевидным орнаментом по плечам и горлу, типичных для второй половины и, особенно, последней трети VI в. до н. э. (рис. 16, 11-13. 14. 15). Отметим также носик-цедилку закрытого ионийского сосуда, покрытый лаком, – редкую для поселений бытовую форму (рис. 16, 8). Среди находок имеется и поздний хиосский двуручный канфар с оранжевой полосой по внешней ангобированной стенке (рис. 16, 10).

Таким образом, среди материалов поселения имеются формы, берущие свое начало еще во второй четверти – середине VI в. до н. э.

Широкая Балка-I (рис. 1, № 40). В историографии длительное время существовало мнение, что на поселении найдены материалы от конца VII в. до н.э., что дало повод для рассуждений о его возможном возникновении ранее Ольвии, но однозначно, не позднее [Рабичкин, 1951, с. 122-124; ср.: Русяева, Мазарати, 1986, с. 57]. В настоящее время согласованным считается, что поселение возникло в первой половине VI в. до н.э. [Русяева, Мазарати, 1986, с. 57; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 26]. Изученные нами керамические материалы позволяют уточнить эту датировку.

Наиболее ранними из известных к настоящему времени на памятнике являются коринфские сосуды. Это фрагмент среднекоринфского линейного арибалла с орнаментом в виде язычков под горлом и фризом расположенных в шахматном порядке точек на плечиках (рис. 17, 2). Датировка сосудов с такой и близкой схемой росписи надежно укладывается в первую треть VI в. до н. э. [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 594-599]. Следует выделить и фрагмент верхней части пиксиды (рис. 17, 7) с декором в виде язычков, нанесенных лаком и пурпуром. Его датировка находится в тех же временных рамках [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 1073 ff.]. К позднекоринфскому стилю принадлежат фрагменты глубоких скифосов с лучевым орнаментом в придонной части (рис. 17, 8. 9) и стенка небольшого закрытого сосуда типа амфориска (рис. 17, 6). Поэтому распространенное мнение о том, что коринфские сосуды первой половины VI в. до н. э. в памятниках Северного Причерноморья и в Ольвии, в частности, представлены единичными находками [Boriskovskaja, 1967, p. 426], необходимо корректировать. Это неизбежный процесс, учитывая то увеличение археологических находок, которое произошло за последние десятилетия. И, как видим, материалы поселений Нижнего Побужья играют здесь далеко не последнюю роль[6].

Североионийская керамика первой половины – середины VI в. до н. э. представлена фрагментами открытых и закрытых форм. Это, прежде всего, тарелка с метопами по краю с изображениями перекрещивающихся линий и кружков и фриза с меандром [Рабичкин, 1951, рис. 34][7]. Закрытые формы – это двуствольные ручки столовых амфор или ойнохой (рис. 17, 13. 15), горло амфоры с простой плетенкой (рис. 17, 19) [см. аналогичные находки: Русяева, Мазарати, 1986, рис. 6], стенки с изображением орнамента в виде лучей (рис. 17, 3) и животного (?) (рис. 17, 14). Керамика клазоменского круга пока не выделяется, за исключением вотивного кружка из стенки с чешуйчатым

[6] Материалы среднекоринфского времени выделены и в ранней керамической коллекции Мирмекия [Лебедева, 2003-2004, с. 322].

[7] Нам не удалось обнаружить этот фрагмент в просмотренной керамической коллекции памятника, хранящейся в фондах Национального заповедника «Ольвия» НАН Украины.

орнаментом [Русяева, Мазарати, 1986, рис. 6]. Обращает на себя внимание и отсутствие среди известных нам материалов поселения сосудов стиля Фикеллура, хотя имеется один фрагмент закрытого сосуда с росписью жидким лаком, возможно, инспирированной этим стилем (рис. 17, 20). В данном случае речь идет, скорее всего, об имитации таких или стилистически близких сосудов.

К одному из наиболее ранних относится также фрагмент нижней части хиосского кубка, выполненного в чернофигурном стиле, с изображением ноги комаста и заполнительного орнамента в виде розеток с гравировкой (рис. 17, 1) [Lemos, 1991, P. 163 ff., группа комастов]. Такие сосуды датируются второй четвертью – серединой VI в. до н.э. и хорошо представлены в коллекции Березани [Ильина, 2005, № 124 сл.].

Ко второй половине VI в. до н.э. относятся многочисленные фрагменты закрытых сосудов с петлевидным орнаментом по горлу и плечам, горизонтальным S-видным декором (рис. 17, 16. 18. 21. 22). Как правило, это столовые амфоры, имеется и ручка крупного арибаллического лекифа, полностью покрытая коричневым лаком (рис. 17, 17). Среди открытых форм отметим ионийские миниатюрные чаши – с псевдо-сливом (рис. 17, 12) [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 49], фрагменты разнообразных тонкостенных чаш с резервным фризом под краем и полосами лака по внешней стенке (рис. 17, 5; 19, 5. 6), чашу на низком кольцевом поддоне с палочным декором (рис. 18, 15) или в виде полос (рис. 18, 12), а также лаконский килик с точечным декором (рис. 17, 11), килик парросской группы или его имитация (рис. 17, 4).

Немногочисленные фрагменты ионийских киликов принадлежат группе В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также: Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9], имеют стандартную форму с отогнутым наружу краем и сочетанием полос лака по внутренней и внешней стенкам (рис. 18, 2. 3), Как и среди материалов рассмотренных выше поселений, керамическая коллекция Широкой Балки содержит сосуды, соотносимые нами, скорее всего, с местной ольвийской продукцией. Это, прежде всего, имитация ионийского килика (рис. 18, 1) – фрагмент толстостенного открытого сосуда с массивной ручкой, расписанного внутри и снаружи полосами красной краски. Основную массу сосудов составляют миски с загнутыми внутрь краями на массивных кольцевых поддонах, расписанные по внутренней стенке концентрическими полосами красной краски (рис. 18, 4-11. 13. 14). Все они имеют и подобное по визуальным характеристикам глиняное тесто, с большим количеством включений извести, темных частиц, зачастую пористое, с лакунами.

К местной керамической продукции принадлежат фрагменты рыбных блюд – днище и край, полностью покрытые красной краской по внутренней стенке и солонке (рис. 19, 1. 2). Обращает на себя внимание край блюда в виде трех уплощенных каннелюр. Нам уже хорошо известны такие блюда в закрытых комплексах конца VI – начала V вв. до н. э. из Ольвии. Это – типичный морфологический признак рыбных блюд ольвийского производства, известных

в красно- и сероглиняном вариантах и производившихся вплоть до раннеэллинистического времени [Козуб, 1974, с. 54, рис. 15, 6; Парович-Пешикан, 1974, с. 93; Буйских С., 2007, с. 41]. Рыбные блюда позднеархаического времени имеют или сплошное красочное покрытие внутренней части и полую ножку-подставку для конца VI в. до н. э., как в широкобалковском экземпляре, или в виде отдельных полос по краю и вокруг солонки в начале V в. до н. э. [Козуб, 1975, с. 153, рис. 14]. Нельзя исключать, что этот тип рыбных блюд является местным развитием привозных форм, находки которых до сих были известны только на Березани[8] [Dupont, Lungu, 2007, p. 123 ff.]. Идентичное сплошное покрытие красной краской имеет и фрагмент открытого сосуда с вертикальными стенками типа кубка (рис. 19, 3), скорее всего, также местной продукции.

Поселенческие комплексы памятника содержат и такие характерные для античных жилых комплексов бытовые формы как ионийские леканы с полосами лака по внутренней и внешней стенкам (рис. 19, 4), гидрии (рис. 19, 9), аски. Среди последних имеются отдельные экземпляры второй половины VI в. до н.э. (рис. 19, 7) и вплоть до начала V в. до н.э. с наклонным горлом и ручкой подтреугольной в сечении формы (рис. 19, 8).

Рассмотренные материалы поселения Широкая Балка-I позволяют уточнить время его возникновения в пределах первой четверти VI в. до н.э. Отметим также, что материалы конца VII в. до н.э., как считалось ранее, на поселении отсутствуют.

Чертоватое-VII (рис. 1, № 46). Возникновение поселения ранее было отнесено к последней трети VI в. до н.э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 27]. Анализ керамических находок восточногреческого происхождения показал, что и на этом поселении имеются более ранние материалы. Это, прежде всего, фрагмент хиосского горшочка не позднее 40-х гг. VI в. до н. э. в чернофигурной технике, с изображением утки (рис. 20, 4), аналогичного найденному на поселении Аджигол-I. Хиосским кувшинчикам второй половины VI в. до н. э. принадлежали ручка с полосами коричневого лака (рис. 20, 3) и профилированное горло с полосами лака (рис. 20, 7). Найден также почти целый аналогичный кувшинчик (рис. 21, 3).

Клазоменская керамика представлена закрытыми формами в виде небольших столовых амфор с чешуйчатым орнаментом (рис. 20, 1. 2). Скорее всего, такому же сосуду принадлежала и полностью окрашенная коричневым лаком ручка (рис. 20, 20). Найдена также придонная часть тонкостенной ионийской чаши (рис. 20, 13), представляющая собой позднюю реплику чаш с точечными розеттами. Имеется и фрагмент венчика лаконского килика (рис. 20, 5). Их находки характерны именно для третьей четверти VI в. до н. э. В комплексах последней четверти этого столетия они, как правило, уже

[8] Нам известно одно такое же фрагментированное рыбное блюдо из раскопок Ольвии 1960-х гг.

не встречаются. Ионийская полосатая керамика представлена в Чертоватом значительным количеством находок фрагментов от разнообразных сосудов. Среди них – почти целый арибаллический лекиф с петлевидным орнаментом по плечам (рис. 21, 5), а также фрагменты других закрытых сосудов, возможно, аналогичных этому (рис. 20, 8-11. 17). К той же категории керамики относятся фрагмент края небольшой чаши с полосами по внутренней стенке (рис. 20, 6), еще одна такая же археологически целая чаша (рис. 21, 4), ручка крупной гидрии (рис. 20, 15), дно кувшинчика с полосами у плоского поддона (рис. 14, 14), а также светильники (рис. 20, 16. 18. 19) и аск (рис. 21, 2). Все эти привозные сосуды, включая ионийские полосатые, датируются в пределах второй половины VI, частично заходя в самое начало V в. до н. э.

Имеются также находки открытых, реже закрытых форм с полосами красной краски или сплошным покрытием поверхности такой же краской. Это лекана (рис. 21, 1), рыбное блюдо (рис. 21, 6), тарелка с загнутым внутрь краем (рис. 21, 9), а также фрагменты венчиков киликов, подражающих по форме поздним ионийским (рис. 20, 12; 21, 8), и кувшина (рис. 21, 7), которые мы предположительно относим к местному, ольвийскому производству. Следует обратить внимание на рыбное блюдо с характерной солонкой в центре, полностью покрытое красной краской (рис. 21, 6). Аналогичное блюдо, как мы предполагаем, принадлежащее местной продукции, уже отмечено в коллекции Широкой Балки-I.

Материалы поселения Чертоватое-VII свидетельствуют о том, что и здесь имеются керамические находки более раннего времени, чем считалось прежде, т. е., начиная после середины VI в. до н. э.

Старая Богдановка-II (рис. 1, № 69). Поселение, исходя из датировок керамического комплекса, считалось основанным во второй половине VI в. до н. э. [Марченко, Доманский, 1983, с. 58; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 31-32]. Наш пересмотр этих материалов, частично введенных авторами раскопок в научный оборот, позволил уточнить время его возникновения.

Наиболее ранние фрагменты принадлежат столовым закрытым сосудам, скорее всего, амфорам североионийского производства – с изображениями всадника и человеческой фигуры в центральных фризах (рис. 22, 1. 2. 9). По материалам Ольвии такие или стилистически близкие сосуды нам известны из закрытых комплексов середины – начала третьей четверти VI в. до н.э. С североионийской продукцией связаны и фрагменты расписных закрытых сосудов, в т. ч. с чешуйчатым орнаментом (рис. 22, 4. 6. 7). Найдено также горло клазоменской гидрии (?) [Марченко, Доманский, 1983, рис. 4, 6].

Из раскопок поселения происходит фрагмент верхней части южноионийской амфоры стиля Фикеллура с плетенкой по горлу, фризом лотосов по плечам и чешуйчатым орнаментом по тулову [Марченко, Доманский, 1983, рис. 4, 1]. По схеме декора верхней части этот сосуд синхронен мастеру амфоры Альтенбург 191, время деятельности которого ограничено 40-ми гг.

VI в. до н.э. [Cook, Dupont, 1998, p. 80-81, fig. 10. 3][9]. В пределах последней четверти этого столетия находится и фрагмент амфор стиля Фикеллура с изображением волют и лотосов [группы N-P по Р. Куку, см.: Cook, Dupont, 1998, p. 88, fig. 10. 8; см. также: Wascheck, 2008, S. 53] (рис. 22, 3). Интерес представляют фрагменты стенок, не исключено, гидрии или стамноса с боковыми ручками, плечевая часть которого расписана овами и абстрактным декором в виде линий и заполнительным орнаментом – тройными мазками лака (рис. 22, 5). Трудно настаивать на ионийском происхождении сосуда, исходя из схемы декора и визуальных характеристик глиняного теста – плотного, светлого, практически без включений. Не исключено, что это – еще одна колониальная имитация, происхождение которой пока не установлено.

Многочисленны в Старой Богдановке-II находки ионийской полосатой керамики, представленной в основном столовыми амфорами и арибаллическими лекифами (рис. 23, 1-9. 11). Все они имеет стандартную форму декора в виде одного или двух рядов петель, горизонтальных «восьмерок», нанесенных красно-коричневым матовым лаком, полосами лака по центру тулова и у основания профилированного поддона. Время бытования таких сосудов охватывает практически всю вторую половину VI в. до н.э., переходя и в начало следующего столетия. Типологически к этой группе керамики относится и край леканы с петлевидным орнаментом по внешней стенке (рис. 23, 10). К позднему типу ионийских полосатых сосудов принадлежит стенка столовой амфоры с четырьмя узкими полосами лака по перегибу тулова, у нижнего прилепа ручки (рис. 22, 12). Такие амфоры массово известны по находкам в погребальных комплексах начала – первой половины V в. до н.э. [Laurenzi, 1936, fig. 97, 166].

Отдельную часть коллекции составляют ионийские килики. Они принадлежат группе В 2 по Виллард-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9-10], имеют стандартную форму с отогнутым наружу краем и сочетанием полос лака по внутренней и внешней стенкам (рис. 24, 2. 8), а также придонную часть с кругом в цвете глины и, как правило, небольшую коническую ножку или кольцевой поддон (рис. 24, 13. 15). Время массового импорта таких сосудов в Северное Причерноморье – вторая и третья четверти VI в. до н.э. Вплоть до начала V в. до н.э. существуют поздние варианты или имитации сосудов такого типа – с невысоким, практически вертикальным краем, полностью покрытым лаком, иногда с полосами по внешней стенке (рис. 24, 5. 9. 10). К вероятным местным имитациям ионийских киликов принадлежат края килика с внешней образующей венчика, покрытой красной краской (рис. 24, 6). Киликам пароской группы с палочным орнаментом в резервной зоне близки несколько фрагментов сосудов (рис. 24, 3. 4) [Марченко, Доманский, 1983, рис. 5, 4. 8. 9].

[9] В обработанной нами коллекции этот фрагмент обнаружить не удалось.

Кроме киликов, открытые формы представлены чашами ионийского производства с корзинкой лучей у кольцевого поддона и окружностями лака в придонной части (рис. 24, 1. 12), с разными вариантами декора практически вертикального края (рис. 24, 11. 14. 16. 17). Все они характерны преимущественно для конца VI – начала V в. до н. э. Этим же временем датируются большие тарелки с концентрическими окружностями разной ширины в придонной части и под краями, выполненными матовым лаком (рис. 25, 1-3). Преимущественно к последней четверти VI и началу V в. до н.э. принадлежат хиосские ангобированные кувшинчики с полосами лака (рис. 25, 6. 7. 14) и фрагмент двуручного канфара (рис. 25, 9) [Ильина, 2005, № 213 сл.; 229 сл.]. Синхронны им и красноглиняные неангобированные кувшинчики, иногда с полосами лака по центру тулова, а также принадлежащие им ручки с поперечными полосами лака (рис. 25, 4. 5. 15-18). Найдены также фрагменты асков, представленных поздними вариантами формы (рис. 25, 10-13).

К продукции материковой Греции относится лаконский килик с точечным декором [Марченко, Доманский, 1983, рис. 5, 1]. Немногочисленные фрагменты коринфских сосудов равномерно распределяются в пределах всей второй половины VI в. до н.э. Это – стенка арибалла с лотосами (рис. 22, 10), миниатюрной котилы с наклонными зигзагами в верхнем фризе (рис. 22, 8), а также фрагменты глубоких скифосов с корзинкой лучей у основания (рис. 22, 9. 11). Отметим также фрагмент поздней коринфской пиксиды со сдвоенными полосами (рис. 22, 12).

Как видно, среди материалов поселения Старая Богдановка-II, которые действительно в общей массе датируются второй половиной VI в. до н. э., выделяются фрагменты середины и самого начала третьей четверти этого столетия, которые и позволяют уточнить время постоянной жизни на поселении.

Лупарево-II (рис. 1, № 100). Это поселение относили к одному из самых поздних по времени возникновения среди всех памятников архаической хоры Ольвии, т. е. к последней четверти или даже к концу VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 37; Виноградов, Марченко, 1986, с. 59]. Вместе с тем, имеющиеся материалы, несмотря на их малочисленность, позволяют говорить о том, что поселение было основано раньше, а именно после середины, ближе к началу третьей четверти VI в. до н. э. Прежде всего, не позднее 30-х гг. VI в. до н. э. датируется фрагмент стенки клазоменской чернофигурной амфоры с изображением лебедя [Виноградов, Марченко, 1986, рис. 4, 3]. Скорее всего, к этому же времени относится и килик, близкий по форме лаконским киликам [Там же, рис. 4, 10]. Кроме того, из разведочных сборов на территории памятника происходит редчайший для ранней античной керамической коллекции всего Нижнебугского региона фрагмент клазоменской чернофигурной столовой амфоры группы Тюбинген с изображением хоровода женщин (рис. 26, 1) [Cook, Dupont, 1998, p. 95-98, fig. 12. 2], не выходящей за 60 – 40-е гг. VI в. до н. э. Это пока только второй после Березани [Корпусова,

1987, рис. 20, 1. 2] факт находки фрагмента подобного сосуда в Северном Причерноморье. До сих пор они неизвестны даже в Ольвии, поэтому его находка на небольшом, удаленном от центра полиса, сельском поселении хоры вызывает особенный интерес, расширяя тот все еще немногочисленный круг средиземноморских памятников (Клазомены, Навкратис, Телль Дефене, Митилена, Смирна, Сарды) [Cook, 1933/34, p. 124 ff.], где были найдены эти высококлассные в художественном отношении сосуды.

Станислав-I (рис. 1, № 105). Начало существования поселения обычно относилось к концу VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 40] или второй половине – последней трети этого столетия [Виноградов, Соловьев, 1996, с. 182; Виноградов, 2002, 89]. Хотя восточногреческой керамики на поселении практически не было найдено, в то же время, несомненно заслуживает внимания факт находки двух фрагментов клазоменской столовой амфоры группы Энман (рис. 26, 2). Такой тип амфор с изображениями волют с пальметтами, между которыми помещались различные фигуры, например, танцующие комасты, хорошо известен, их находки, как правило, многочисленны [Сидорова, 1968, рис. 6; Копейкина, 1979, с. 22, рис. 23, 24; см. дискуссию по поводу происхождения амфор с волютами и силенами: Сидорова, 1992, с. 161-162, рис. 14 ж]. Стилистически Н. А. Сидорова относила такие амфоры североионийского (по стилю близкого к клазоменским мастерским) производства к середине VI в. до н. э. [см. дискуссию Н. А. Сидоровой с Л. В. Копейкиной по поводу происхождения и датировки амфор с волютами и силенами: Сидорова, 1992, с. 161-162]. По нашим наблюдениям, импорт таких столовых амфор в Северное Причерноморье уверенно вписывается в третью четверть этого столетия, поскольку в многочисленных известных нам ольвийских комплексах последней четверти столетия они уже не встречаются.

Ягорлык (рис. 1, № 107). В литературе в основном утвердилась датировка этого памятника по В. В. Рубану, который на основании анализа профильных частей амфор и расписной столовой керамики отнес его появление к последней трети VII в. до н. э. [Рубан, 1983, с. 289]. В то же время А.С. Островерхов, базируясь на своем анализе находок, считал, что Ягорлык возник «в конце VII, или, скорее всего, начале VI в. до н. э.» [Островерхов, 1978, 14]. В любом случае, общепринятым является вывод о том, что Ягорлыцкое поселение явилось вторым после Борисфена по времени появления античным памятником в регионе Нижнего Побужья, и было основано жителями Борисфена как их производственно-ремесленный центр [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 22, 79, 94]. Точка зрения о том, что памятник относится только к VI в. до н. э. [см. напр.: Оленковский, 1977, с. 347; 2002, с. 75], как правило, не подкреплялась необходимым анализом керамической коллекции и поэтому не учитывалась при общих хронологических построениях. Отдельно следует упомянуть и мнение о том, что Ягорлыцкое поселение было основано в первой половине VI в.

до н. э. Это заключение принадлежит В. Д. Кузнецову, который совершенно справедливо, только на основании опубликованных В. В. Рубаном рисунков керамических профилей, засомневался в предложенной им столь ранней дате возникновения памятника [Кузнецов, 1991, с. 34, прим. 41].

Расписная столовая посуда данного поселения представлена значительным количеством открытых форм, преобладающих над закрытыми. Современный анализ тарелок позволяет определить их как имеющих североионийское происхождение и отнести их к стилю LWG [Cook, Dupont, 1998, p. 51 ff.]. Они представлены двумя известными типами – с загнутыми внутрь и отогнутыми краями, имеют несколько живописных зон. Несколько тарелок содержат чередующийся палочный орнамент с точечными розеттами в метопах по отогнутому бортику или в верхней зоне, цветов лотоса и бутонов в средней зоне (рис. 27, 1. 4) [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 3553]. Аналогичную декоративную схему декора имела и тарелка с меандром по загнутому краю (рис. 27, 2). Редкой находкой является фрагмент тарелки с отогнутым краем, украшенный орнаментом из завернутых волют и, скорее всего, идентичным фризом из цветов и бутонов лотоса (рис. 27, 8).

Не ранее этого времени датируются и ионийские килики группы B 1 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 4; Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 10]. Этот тип открытых сосудов действительно берет начало в конце последней четверти VII в. до н. э., но морфологические и стилистические характеристики ягорлыцких сосудов позволяют отнести их к более позднему этапу существования этого типа – первой четверти VI в. до н. э. [Tocra I, Kat. Nr 1218-1222; Utili, 1999, Kat. Nr 66-71; Alexandrescu, 2005, C. 167; ср. с киликами, датировка которых надежно установлена в пределах последней четверти VII в. до н. э.: Kerschner, 1997, Taf. XV, Kat. Nr 112-122]. Их отличает глубокое вместилище, невысокий отогнутый наружу венчик, оставленный в цвете глины и с тонкой полоской по краю внешней образующей, тонкая полоса в цвете глины в зоне ручек, сплошное покрытие лаком остальной наружной части и полностью – внутренней стенки (рис. 27, 13. 15. 16. 20). Скорее всего, таким же сосудам принадлежали ручки и придонные части с невысокими коническими ножками (рис. 27, 20. 23. 25-27). К тому же типу принадлежит и килик, имеющий разорванное покрытие внешней стенки ниже зоны ручек, относящихся к типу B 2 по Вилларду-Валле, захватывающих всю вторую четверть VI в. до н. э. и заходящих в начало его третьей четверти (рис. 27, 12) [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также: Tocra I, Kat. Nr 1288-1290; Rouillard, 1978, fig. 3, 2-7]. Обращает внимание, что в количественном отношении преобладают килики группы B 1.

Среди открытых форм представляет интерес глубокая чаша с пятилепестковой розеттой в центре (рис. 27, 9), близкие аналогии которым относятся к началу VI в. до н. э. [Kinch, 1914, pl. 21. 6b; Thalmann, 1977, Kat. Nr 29-33; см. также: Histria II, pl. 13. 216 – с шестилепестковой розеттой]. С этим временем

коррелируется и датировка чаш с точечными розеттами. В коллекции отсутствуют как их ранние (последней трети VII в. до н. э.), так и поздние (середины – третьей четверти VI в. до н. э.) формы, а имеющиеся позволяют датировать их более широко (рис. 27, 6. 10. 11. 21. 22). Скорее всего, два фрагмента (рис. 27, 10. 11) принадлежали одной чаше и представляли собой тип чаш с тремя точечными розеттами – в зоне ручек и по центру каждой из сторон, причем время их существования не доходит даже до конца первой четверти VI в. до н.э. [Tocra I, Kat. Nr 742; Tocra II, Kat. Nr 2031; Courbin, 1978, fig. 13; Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 3582; Ersoy, 2004, p. 54-55, fig. 12]. Отмеченные типы чаш (рис. 27, 9-11) на других поселениях пока не выделяются.

Закрытые формы представлены немногочисленными находками, наиболее вероятно, амфор или ойнохой, которым и принадлежали двуствольная ручка сосуда (рис. 27, 28), а также стенка столовой амфоры с шестью вертикальными линиями (рис. 27, 14). Находки амфор с таким декоративным элементом, размещавшимся часто в верхней части сосуда, в зоне ручек, известны в Ольвии [Книпович, 1940, с. 94, рис. 3, ср.: Histria IV, Kat. Nr 253, pl. 1][10]. При этом отметим, что этот декоративный элемент, представляющий реминисценцию позднегеометрического декоративного репертуара, доживает вплоть до середины VI в. до н.э., ольвийский же экземпляр отмечен как наиболее поздний [Kerschner, 2006, S. 230, Abb. 1]. Аналогичный фрагмент столовой амфоры с вертикальными линиями происходит из Истрии [Hisrtia II, pl. 19, 311]. Трехствольная ручка амфоры (рис. 17, 19), а также стенка с заполнительной розеттой (рис. 27, 3), принадлежали североионийским амфорам стиля LWG [Cook, Dupont, 1998, p. 54-55], как, скорее всего, и стенки с незначительными фрагментами росписи (рис. 27, 5. 7).

Найденные фрагменты коринфских арибаллов или алабастров с росписью в виде лепестков по венчику (рис. 27, 29. 30), относятся как к раннекоринфскому, так и к среднекоринфскому стилю и датируются в пределах первой трети VI в. до н. э., стилистически, однако, будучи несколько более поздними, чем аналогичный декор из лепестков на раннекоринфских арибаллах [Corinth XV, III, Kat. Nr 1551-1552; ср.: Dehl-von Kaenel, 1995, Kat. Nr 75, 425; Schaeffer, Ramage, Greenewalt, 1997, Kat. Nr 89].

Как показал анализ расписной керамики, среди материалов Ягорлыцкого поселения действительно отсутствуют фрагменты второй половины или последней трети VII в. до н. э., как считалось ранее [Рубан, 1980, 112; 1983, 289]. Имеющийся же керамический комплекс берет свое начало от первой четверти VI в. до н. э. при том, что наиболее поздние материалы не доходят до середины этого столетия. Поэтому нельзя исключать, что поселение, учитывая его сезонный и ремесленный характер, активно функционировало, очевидно, в пределах жизни всего лишь одного поколения греческих колонистов.

---

[10] Нам такие сосуды известны и по современным исследованиям строительных комплексов середины – второй половины VI в. до н. э. в Ольвии.

x x x

Таким образом, подводя некоторые итоги работы с керамическим материалом аграрных поселений Нижнего Побужья архаического времени (см. табл. 1), необходимо отметить следующие моменты.

1. Как видим, в результате уточнения датировок основания ряда архаических поселений региона, удалось снять их, в одних случаях крайне заниженные, а в других – крайне завышенные показатели и привести их в соответствие с объективными современными данными.

2. Для поселений западного района архаической хоры, т. е. побережья Березанского лимана, оказалось, что время основания всех основных памятников (Викторовка-I, Каборга-I, Большая Черноморка-II, Бейкуш) имеет единую хронологическую точку отсчета, а именно, первую четверть VI в. до н.э.

3. Весь массив расписной керамики на Ягорлыцком поселении (левый берег Днепровского лимана) также датируется, начиная от первой четверти VI в. до н. э. Материалы же конца или последней четверти VII в. здесь полностью отсутствуют.

4. Ранние материалы ряда памятников к востоку от Березанского лимана, замыкающих цепь архаических поселений Нижнего Побужья на побережье между Очаковским мысом и Ольвией (Куцуруб-I, Широкая Балка-I), также относятся к первой четверти VI в. до н. э.

5. В отличие от них, исходя из полученных нами данных, поселения, расположенные к северу от Ольвии, на правом берегу Бугского лимана (Чертоватое-VII, Старая Богдановка-I) и поселения левобережья Бугского лимана (Лупарево-I, Станислав-I) возникают сразу после середины – в начале третьей четверти VI в. до н. э.

6. В то же время материалы некоторых поселений, несмотря на небольшие объемы их коллекций, а именно, Аджигол-I и Закисова Балка-I, позволяют считать, что параллельно расширению колониальной хоры к северу и востоку от Ольвии, очевидно, продолжался поселенческий процесс и внутри уже освоенной греками земледельческой территории.

7. Несмотря на предварительный характер данной работы, можно заключить, что обработка пусть даже и одной группы керамики из раскопок раннеантичных поселений Нижнего Побужья, все же дает основание и возможность не только уточнить их датировку, но и внести и некоторые существенные коррективы во все предыдущие модели и схемы процесса протекания греческой колонизации этой части Причерноморья в целом.

8. Принимая во внимание то обстоятельство, что по современным данным время основания Ольвии относится примерно к концу первой – началу второй четверти VI в. до н. э. [Русяева, 1998, с. 164; 2006 б, с. 226; Буйских, Крапивина, 2001, с. 48; Bujskich A, 2005, p. 30], можно предполагать, что начало мероприятий по заселению и освоению земледельческой территории Нижнего Побужья были явно синхронизированы с этим событием [Буйских, 2009, с. 225-226, 238-239].

9. Данное предположение подтверждается и устройством примерно около этого же времени в регионе системы греческих колониальных святилищ, очертивших границы будущей хоры и государства в целом [Русяева, 1990, с. 56-57; 2005, с. 94; Буйських С., 2004, с. 10-11; Bujskikh S., 2005, S. 196-197; Bujskih S., 2006 a, S. 271]. Другими словами, мы считаем, что акт основания Ольвии, выделение там теменоса Аполлона Иетроса, мероприятия по устройству системы пограничных святилищ *extra-urban* и параллельное широкое освоение земледельческих пространств Нижнего Побужья путем основания целой сети поселений по берегам Березанского, Бугского и Днепровского лиманов не носило протяженный во времени, многоэтапный характер. На наш взгляд, все это происходило примерно в одно время и по одному и тому же заранее продуманному колонизационному плану.

10. Учитывая последние научные разработки, согласно которым Борисфен, служа центром посреднической торговли с варварским хинтерландом, являлся эмпорием, а не полисом [Буйских А., 2005, с. 164; Bujskich A., 2005, S. 30; ср.: Kerschner, 2006 a, S. 244], можно предполагать, что на раннем этапе (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.) его функционирование носило не стационарный, а временный (сезонный) характер[11]. Об этом, в первую очередь, красноречиво свидетельствует отсутствие строительных остатков указанного времени на Березани, фиксируемое в течение всей длительной истории археологического исследования памятника[12]. Акты же основания постоянного поселения на Березани и основания центра ионийской апойкии в Нижнем Побужье – Ольвии, скорее всего, были единовременными событиями, произошедшими в самом начале первой четверти VI в. до н. э.

11. Получение современных хронологических реперов возникновения рядовых земледельческих поселений Нижнего Побужья, и в первую очередь, на Березанском лимане, опровергает достаточно распространенную ныне точку зрения о наличии у Борисфена собственной хоры [Solovev, 1998, p. 222 ff.; Solovyov, 2001, p. 118 ff.]. В силу своего эмпориального характера, своей хорой он не располагал [Буйских С., 2008, с. 35; 2009, с. 225]. В отличие от него, Ольвия сразу была запрограммирована и как город, и как центр будущего полиса с необходимой внутренней территорией, специально заре-

---

[11] Вероятно, данное обстоятельство теперь объясняет тот противоречивый факт, о котором в свое время говорила Л.В. Копейкина, а именно – несмотря на отсутствие строительных остатков VII в. до н. э., керамический материал бесспорно показывает, что во второй половине VII в. до н.э. Березань «активно функционировала» [Копейкина, 1982, с. 31].

[12] См. подробнее дискуссию о хронологии наиболее ранних строительных комплексов Березани [Соловьев, 2000, с. 293; 2005, с. 9 сл]. В этой связи напомним, что один из исследователей Березани В. В. Назаров, подчеркивал, что культурный слой VII в. до н. э. в чистом виде на острове обнаружен не был и выделение древнейшего периода в истории поселения зачастую базируется на основании хотя и многочисленных, но все же достаточно случайных находок [Назаров, 1997, с. 7]. Согласно результатам последних исследований на Березани, датировка открытых ранних строительных комплексов укладывается в пределы первых трех четвертей VI в. до н. э. [Чистов, 2004, с. 60].

зервированной для развития собственного сельского хозяйства [Буйских А., 2005, с. 160; Bujskich A., 2005, S. 30].

12. Благодаря уточнению хронологии архаических поселений Нижнего Побужья, можно считать установленным, что вслед за основанием Ольвии, ее хора в регионе была полностью заселена и освоена, очевидно, в два приема: 1) первая четверть – середина VI в. до н. э. (Рыбаковка – Широкая Балка, рис. 1, № 1-40) и 2) середина – третья четверть VI в. до н. э. (Чертоватое – Варваровка – Станислав, рис. 1, № 41-86-106)[13], вследствие чего Ольвийский полис приобрел все необходимые элементы и черты колониального полиса [Буйских, 2009, с. 239-241]. Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что основание и становление греческого полиса и его хоры в Нижнем Побужье проходило целенаправленно и организованно, а не стихийно, как считалось ранее [Крыжицкий и др., 1989, с. 40-41] и отвечало основным требованиям греческой колонизационной практики. Однако более подробное решение затронутых нами проблем, в определенной степени имеющих дискуссионный характер, требует отдельного рассмотрения и уже выходит за рамки данной статьи.

Таблица 1.

Время основания поселений хоры Ольвии архаического времени.

Название памятника	Прежняя датировка	Уточненная датировка
Викторовка-I	Середина VI в. до н. э.	Первая четверть или первая половина VI в. до н. э.
Каборга-I	Середина – вторая половина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Большая Черноморка-II	1. Конец VII – начало VI в. до н. э. 2. Середина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Бейкуш	1. Конец VII – начало VI в. до н. э. 2. Середина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Куцуруб-I	Вторая половина VI в. до н. э.	Первая четверть или первая половина VI в. до н. э.
Аджигол-I	Последняя четверть VI в. до н. э.	Начало третьей четверти VI в. до н. э.

[13] Возможно, это можно объяснять двумя основными волнами колонизационного потока в Нижнее Побужье.

Закисова Балка-I	Вторая половина VI в. до н. э.	Вторая четверть VI в. до н. э.
Широкая Балка-I	1. Конец VII до н. э. 2. Первая половина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Чертоватое-VII	Последняя треть VI в. до н. э.	Середина – начало третьей четверти VI в. до н. э.
Старая Богдановка-I	Вторая половина VI в. до н. э.	Начало третьей четверти VI в. до н. э.
Лупарево-II	1. Последняя четверть VI в. до н. э. 2. Конец VI в. до н. э.	Начало третьей четверти VI в. до н. э.
Станислав-I	1. Вторая половина – последняя треть VI в. до н.э. 2. Конец VI в. до н. э.	Середина – третья четверть VI в. до н. э.
Ягорлык	1. Последняя треть VII в. до н. э. 2. Конец VII – начало VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. – Москва, 1997.

Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже 23 июня – 11 сентября 2005 г. – С.-Петербург, 2005.

Буйских А. В. О керамических комплексах VI в. до н. э. из Ольвии // Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – Вып. V. – С. 36-42.

Буйских А. В. Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI-V вв. до н. э. // ВДИ. – 2005. - № 2. – С. 146-164.

Буйских С. Б. Святилища *extra-urban* епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. – 2004. - № 3. – С. 3-14.

Буйских С.Б. Античное поселение Аджигол-1 близ Ольвии // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Вип. XII. – Запоріжжя, 2005. – С. 164-189.

Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI-I вв. до н. э. (историографический аспект) // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. – С.-Петербург, 2007. С. 28-44.

Буйских С. Б. Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2008. – С. 35.

Буйских С. Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя. – Вип. 15. – 2009. – С. 225-247.

Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. – Киев, 1986. – С. 59-68.

Виноградов Ю. А., Соловьев С. Л. Археологические исследования на городище Станислав // РА. – 1996. - № 1. – С. 180-185.

Виноградов Ю. А. Городище Станислав (Основные итоги исследований 1982, 1988-91 гг.) // Археологічна збірка. - № 2. – Херсон, 2002. – С. 88-106.

Домжальский К., Чистов Д. Е. Итоги работ на участке «Н» (1994-1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. – Вып. I. – С.-Петербург, 2003. – С. 3-41.

Ильина Ю. И. О новых находках восточно-греческой керамики на острове Березань // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. – С.-Петербург, 2000. – С. 201-209.

Ильина Ю. И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. – Т. 1. – С.-Петербург, 2005. – С. 70-173.

Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. – Вып. 50. – С. 211-254.

Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н. е. – Київ, 1974.

Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. – Киев, 1975. – С. 139-163.

Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике (по материалам раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. – Ленинград, 1979. – С. 7-25.

Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. – Ленинград, 1982. – С. 6-35.

Корпусова В. Н. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – Киев, 1987. – С. 35-53.

Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. – Киев, 1989.

Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – Киев, 1990.

Кузнецов В. Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. – 1991. – Вып. 204. – С. 31-37.

Лебедева Е. В. Ранняя коринфская керамика из раскопок Мирмекия // Stratum plus. – 2003-2004. - № 3. – С. 320-323.

Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. – Москва – Ленинград, 1964. – С. 131-174.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. – Москва, 2005.

Марченко К. К., Доманский Я. В. Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2 // АСГЭ. – 1983. – Вып. 24. – С. 56-72.

Марченко К. К., Доманский Я. В. Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб I // АСГЭ. – 1991. – Вып. 31. – С. 57-76.

Назаров В. В. Древнегреческое поселение на острове Березань. – Николаев, 1997.

Олейковский Н. П. Работы Херсонского музея // АО 1976 г. – Москва, 1977. – С. 347.

Олейковський М. П. Дослідження на Ягорлицькому античному поселенні // Археологічна збірка. - № 2. – Херсон, 2002. – С. 74-78.

Островерхов А. С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V вв. до н. э.) // Автореф. дисс… на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1978.

Отрешко В. М. Ольвийская хора VI-V вв. до н.э. // Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1990.

Отрешко В. М. Ольвийская хора VI-V вв. до н.э. Киев, 1990 а. / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Рукопись // НА ИА НАНУ. - № 695. – 234 с.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – Киев, 1974.

Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой Балки // КСИА. – 1951. – Вып. 40. – С. 114-124.

Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения // ИААСП. – Киев, 1980. – С. 104-114.
Рубан В. В. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. – 1983. - № 1. – С. 285-291.
Рубан В. В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время) // Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1988.
Русяева А. С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев, 1990. – С. 40-61.
Русяева А. С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. – 1998. - № 1. – С. 160-170.
Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – Киев, 2005.
Русяева А. С. Восточногреческая керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 162-168.
Русяева А. С. Коринфская керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 168.
Русяева А. С. Западный теменос в контексте истории и духовной культуры Ольвийского полиса // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 226-246.
Русяева А. С., Мазарати С. Н. Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. – Киев, 1986. – С. 47-58.
Сидорова Н. А. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // СГМИИ. – 1968. – Вып. 4. – С. 110-118.
Сидорова Н. А. Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // СГМИИ. – 1987. – Вып. 8. – С. 110-125.
Сидорова Н. А. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965-1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // СГМИИ. – 1992. – Вып. 10. С. 131-172.
Скуднова В. М. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. – Т. 1. – Ленинград, 1945. – С. 131-140.
Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. – Ленинград, 1988.
Соловьев С. Л. Архаическая Березань: (историко-археологический очерк) // АВ. – 2000. – Вып. 7. – С. 291-308.
Соловьев С. Л. Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. – Т. 1. – С.-Петербург 2005. – С. 7-15.
Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. – Москва, 1957.
Чистов Д. Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Т. 1. – С.-Петербург, 2004. – С. 57-112.
Финогенова С. И. Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. – 2006. – Т. 9. – С. 337-354.
Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe – IVe s.) // Histria IV. – Bucureşti, Paris, 1978.
Alexandrescu P. La céramique // Histria XII. - Bucureşti, Paris, 2005. – P.329-411.
Amyx D. A., Lawrence P. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well // Corinth VII. II. – Princeton, N. Jersey, 1975.
Boardman J. Excavations in Chios 1952-1955. Greek Emporio. – London, 1967.
Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963-1965. The Archaic Deposits I – Tocra I. – Oxford, 1966.
Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963-1965. The Archaic Deposits II and later Deposits. – Tocra II. – Oxford, 1973.
Boriskovskaja S. P. On Trade Connection between the Greek Cities of the Northern Black Sea Coast and Corinth in the Archaic Period // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock- 16 Jahrgang 1967. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. – Hft 7/8. – P. 425-429.
Bujskich A. V. Borysthenes – Olbia. Die Gründung von Olbia im Lichte der jüngsten archäologischen Forschungen // Eurasia Antiqua. – 2005. – 11. – S. 15-35.

Bujskikh A. V. The Earliest East Greek Pottery from Olbia Pontica // Cobet J., von Graeve V., Niemeier W.-D., Zimmermann K. (Hrsg.). Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme. Panionion-Symposion Güzelçamli 26. September – 1. Oktober 1999 .- Mainz/Rhein, 2007. – S. 499-510.

Buiskikh S. Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della *chora* coloniale dall'Occidente al Mar Nero. Atti del quarantesimo Conveno di studi sulla Magna Grecia. Taranto 29 settembre – 3 ottobre 2000. – Taranto, 2001. – S. 317-332.

Bujskikh S. B. Les sanctuaries extra-urbains à l'epoque de la colonisation grecque dans le Bug Meridionale // Pont-Euxin et *Polis*. Actes du X Symposium de Vani. 23-26 september 2002. – Besançon, 2005. – P. 181-202.

Bujskich S. B. 5. Kap Bejkuš – Kap des Achilles: eine Kultstätte des göttlichen Heros im Mündungsgebiet des Bug // Hupe J. (Hrsg.). Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. – Internationale Archäologie. – 94. – 2006. – S.111-153.

Bujskih S. Die kolonialen Heiligtümer der archaischer Zeit in Olbia // Conrad S. u. a. (Hrsg.). Pontos Euxeinos. Manfred Oppermann zum 65. Geburtstag. – Langenweißbach, 2006 a. – S. 265-274.

Bujskich S. B. Die *Chora* des pontischen Olbia: die Hauptetappen der räumlich-strukturellen Entwicklung // Guldager Bilde P. u. a. (Hrsg.). Surveying the Greek Chora. – Aarchus, 2007. – S. 115-139.

Bujskikh S. B. Der Achilleus-Kult und die griechische Kolonisation des unteren Bug-Gebiets // Bresson A. u. a. (Hrsg.). Une *koine* pontique. – Bordeaux, 2007 a. – S. 201-212.

Cook J. M. Old Smyrna, 1948-1951 // BSA 1958-1959.

Cook R. M. A List of Clazomenian Pottery // BSA. – 1933/1934 34. – P. 123-152.

Cook R. M. Fikellura Pottery // BSA. – 1936. – P. 1-97.

Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. – London, N. York, 1998.

Courbin P. La céramique de la Grèce de l'Est à Ras el Bassit // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Centre Jean Bérnard. Institut Français de Naples. 6-9 juillet 1976. – Paris, Naples, 1978. – P. 41-42.

Dehl- von Kaenel Ch. Die archaische Keramik aus dem Malophoros-Heiligtum in Selinunt. – Berlin, 1995.

Dimitriu S. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca archaică // Histria II. – București, 1966.

Dupont P., Lungu V. Note sur l'origine a poisson du Pont-Euxin // Pontica. – XL. – 2007. – P. 123-136.

Jacopi G. Scavi nella necropoli di Jalisso 1924-1928. – Clara Rhodos III. – Rodi, 1929.

Ersoy Y. E. Klazomenai: 900-500 BC. History and Settlement Evidence // Moustaka A., Skarlatidou E., Tzannes M.-C., Ersoy Y. (eds.). Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held Abdera, 20-21 October 2001. – Thessaloniki, 2004. – P. 43-76.

Furtwängler A. S. Heraion von Samos: Grabungen im Südtemenos 1977. I. Schicht- und Baubefund. Keramik // AthMitt. – 1980. – Bd. 95. – S. 149-224.

Ghali-Kahil L. La céramique grecque // Études Thasiennes. – VII. – 1960.

Kerschner M. Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jh.s v. Chr. aus dem Artemision von Ephesos // ÖJH. – 1997. – Bd. 66. – S. 86-226.

Kerschner M. On the Provenance of Aiolian Pottery // Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean. – London, 2006. – P. 109-126.

Kerschner M. Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. – 2006 a. – Bd. 12. – S. 227-250.

Kinch K. F. Vroulia. – Berlin, 1914.

Kryjickij S. D., Bujskih S. B. La dynamique d'amenagement du territoire rural d'Olbia Pontique // BCH. – Suppl. 34. – 1999. – P. 273-288.

Laurenzi L. Necropoli Ialisie (scavi dell'anno 1934) // Clara Rhodos VIII. – Rodi, 1936. – P. 7-208.

Lemos A. Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles. – Oxford, 1991.

Paspalas S. A. The Non-figured Wares from the Anglo-Turkish Excavationa at Old Smyrna // Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean. – London, 2006. – P. 93-104.

Pierro E. Ceramiche greco-orientali di Tarquinia // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Centre Jean Bérard. Institut Français de Naples. 6-9 juillet 1976. – Paris, Naples, 1978. – P. 231-238.

Posamentir R. The Greeks in Berezan and Naukratis: A Similar Story? // Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean. – London, 2006. – P. 159-167.

Rouillard P. Les céramiques peintes de la Grèce de l'Est et leurs imitations dans la péninsule ibérique: recherches preliminaries // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Centre Jean Bérard. Institut Français de Naples. 6-9 juillet 1976. – Paris, Naples, 1978. – P. 274-286.

Schaeffer Ju. S., Ramage N. H., Greenewalt C. H. The Corinthian, Attic, and Lakonian Pottery from Sardis. – Harvard, Cambride (Mas.), London, 1997.

Schaus G. P. Two Fikellura Vase Painters // BSA. – 1986. – 81. – P. 251-295.

Schlotzhauer U. Die südionische Knickrandschalen: Formen und Entwicklung der sog. Ionische Schalen in archaischer Zeit // Krinzinger F. (Hrsg.). Die Ägäis und das Westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. V. Chr. – Akten des Symposions. – Wien, 2000. – S. 407-416.

Solovev S. Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // Tsetskhladze G. (ed.). The Greek Colonisation of the Black Sea Area. – Historia. Einzelschriften. – Hft 121. – P. 205-225.

Solovyev S. L. On the History of the City-States in the Lower Bug Area: Borysthenes and Olbia // Boardman J. u. a. (eds.). Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum. – Colloquia Pontica. – 2001. – 7. –P. 113-125.

Stillwell A. N., Benson J. L. The Potters' Quarter. The Pottery // Corinth XV. III. – Princeton, N. Jersey, 1984.

Thalmann J. P. Céramique trouvée à Amathonte // Gjerstad E. (ed.). Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus. – Acta Instituti atheniensis Regni Sueciae, series in 4°. – XXVI. – Stockholm, 1977. – P. 65-86.

Villard M. F., Vallet G. Magara Hyblaea. V // MEFRA. – 1955. – 67. – P. 7-34.

Walter-Karydi E. Ostgriechische Keramik // Walter H. (Hrsg.). Alt-Ägina. – Bd. II, 1. – Mainz/Rhein, 1982 – S. 9-22.

Wascheck F. Fikellura-Amphoren und –Amphoriskoi von Milet. Ein Gefäßlager am Kalabaktepe? // AA. – 2008. – 2. – S. 47-81.

Utili F. Die archaische Nekropole von Assos // Asia Minor Studien. – 31. – 1999.

Utili F. Archaische ostgriechische Amphoren und Kannen // Stupperich R. (Hrsg.). Ausgrabungen in Assos 1993. – Asia Minor Studien. – 57. – 2006.

С.Б. Буйських, А.В. Буйських

ДО ХРОНОЛОГІЇ АРХАЇЧНИХ ПОСЕЛЕНЬ ХОРИ ОЛЬВІЇ ПОНТІЙСЬКОЇ

Резюме

Стаття присвячена ревізії датування керамічних матеріалів переважно східногрецького походження з розкопів поселень хори Ольвії Понтійської архаїчного часу. В результаті уточнення часу заснування ряду поселень регіону вдалося зняти їх, в одних випадках занижені, а в інших – завищені показники і привести їх у відповідність з об'єктивними даними. Для поселень східного району архаїчної хори, тобто узбережжя Березанського лиману, тепер надійно встановлено, що час заснування усіх основних пам'яток (Вікторівка-І, Каборга-І, Велика Чорноморка-ІІ, Бейкуш) має єдину точку відліку – першу чверть VI ст. до н.е. Матеріали кінця або останньої чверті VII ст. до н.е. тут відсутні.

Ранні матеріали поселень на схід від Березанського лиману, від Очаківського мису до Ольвії (Куцуруб-I, Широка Балка-1) також відносяться до першої чверті VI ст. до н.е. На відміну від цього, судячи з отриманими нами даними, поселення до півночі від Ольвії, на правому березі Бугського лиману (Чортовате- VII, Стара Богданівка-I),та поселення його лівого берегу (Лупареве-I, Станіслав-1) виникають відразу після середини – на початку третьої чверті VI ст. до н.е.

Результати, отримані при обробці кераміки з розкопів раннєгрецьких поселень Нижнього Побужжя, дають підстави внести тепер і деякі корективи у всі попередні моделі та схеми процесу протікання грецької колонізації цієї частини Причорномор'я в цілому. Приймаючи до уваги ту обставину, що за сучасними даними час заснування Ольвії відноситься приблизно до кінця першої – початку другої чверті VI ст. до н.е., можна припускати, що заходи по заселенню та освоєнню землеробської території Нижнього Побужжя були синхронізовані з цією подією. Дане припущення підтверджується і пристроєм приблизно біля цього часу у регіоні системи грецьких колоніальних святинь extra-urban, окресливши межі майбутньої хори і полісу в цілому. На наш погляд, все це відбувалося в один і той же час та по одному й тому же заздалегідь продуманому колонізаційному плану.

Отримання сучасних хронологічних реперів виникнення рядових землеробських поселень Нижнього Побужжя спростовує розповсюджену точку зору про наявність у Борисфена власної хори. В силу свого емпоріального характеру він не мав хори у своєму розпорядженні. На відміну від нього Ольвія відразу же була запрограмована і як місто, і як центр майбутнього полісу з необхідною внутрішньою територією, яка спеціально була зарезервована для розвитку власного сільського господарства. Слідом за заснуванням Ольвії, очевидно, у два прийоми: 1) перша чверть – середина VI ст. до н.е. (Рибаківка – Широка Балка , мал.. 1, № 1-40) та 2) середина – третя чверть VI ст. до н.е. (Чортовате – Варварівка – Станіслав, мал.. 1, № 41-86-106), її хора у Нижньому Побужжі була заселена та засвоєна, внаслідок чого Ольвійський поліс набув всі необхідні елементи і риси колоніального полісу.

С. Б. Буйских, А. В. Буйских

К ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ХОРЫ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Резюме

Статья посвящена ревизии датировок керамических материалов преимущественно восточногреческого происхождения из раскопок поселений хоры Ольвии Понтийской архаического времени. В результате уточнения времени основания ряда поселений региона удалось снять их, в одних случаях заниженные, а в других – завышенные показатели и привести их в соответствие с объективными данными. Для поселений западного района архаической хоры, т. е. побережья Березанского лимана, теперь надежно установлено, что время основания всех основных памятников (Викторовка-I, Каборга- I, Большая Черноморка-II, Бейкуш) имеет единую точку отсчета – первую четверть VI в. до н. э. Массив расписной керамики на Ягорлыцком поселении (левый берег Днепровского лимана) также датируется, начиная от первой четверти VI в. до н. э. Материалы конца или последней четверти VII в. до н. э. здесь отсутствуют.

Ранние материалы поселений к востоку от Березанского лимана, от Очаковского мыса до Ольвии (Куцуруб-I, Широкая Балка-I) также относятся к первой четверти VI в. до н. э. В отличие от этого, судя по полученным нами данным, поселения к северу от Ольвии, на правом берегу Бугского лимана (Чертоватое-VII, Старая Богдановка-I) и поселения его левого берега (Лупарево-I, Станислав-I) возникают сразу после середины – в начале третьей четверти VI в. до н. э.

Результаты, полученные при обработке керамики из раскопок раннегреческих поселений Нижнего Побужья, дают основание внести теперь и некоторые коррективы во все предыдущие модели и схемы процесса протекания греческой колонизации этой части Причерноморья в целом. Принимая во внимание то обстоятельство, что по современным данным время основания Ольвии относится примерно к концу первой – началу второй четверти VI в. до н. э., можно предполагать, что мероприятия по заселению и освоению земледельческой территории Нижнего Побужья были синхронизированы с этим событием. Данное предположение подтверждается и устройством примерно около этого же времени в регионе системы греческих колониальных святилищ *extra-urban*, очертивших границы будущей хоры и полиса в целом. На наш взгляд, все это происходило в одно время и по одному и тому же заранее продуманному колонизационному плану.

Получение современных хронологических реперов возникновения рядовых земледельческих поселений Нижнего Побужья опровергает распространенную точку зрения о наличии у Борисфена собственной хоры. В силу своего эмпориального характера, своей хорой он не располагал. В отличие от него, Ольвия сразу же была запрограммирована и как город, и как центр будущего полиса с необходимой внутренней территорией, специально зарезервированной для развития собственного сельского хозяйства. Вслед за основанием Ольвии, очевидно, в два приема: 1) первая четверть – середина VI в. до н. э. (Рыбаковка – Широкая Балка, рис. 1, № 1-40) и 2) середина – третья четверть VI в. до н. э. (Чертоватое – Варваровка – Станислав, рис. 1, № 41-86-106), ее хора в Нижнем Побужье была заселена и освоена, вследствие чего Ольвийский полис приобрел все необходимые элементы и черты колониального полиса.

S.B. Buiskikh, A.V. Buiskikh

TO THE CHRONOLOGY OF ARCHAIC SETTLEMENTS OF OLBIA OF PONTOS CHORA

Summary

The article is devoted to the revision of dating of ceramics found predominantly during archaeological digs in Olbia of Pontos chora of archaic time. As a consequence of more accurate definition of the time of the foundation of a number of settlements in the area, some top-heavy and some understated indices have been read and brought in correspondence with objective data. It was determined for the settlements of archaic chora area, i.e. Berezan estuary shore that the time of foundation of all main sites there (Viktorovka-1, Kaborga-1, Bolshaya Chrenomorka-2, and Beikush) has one starting point – the first quarter of the 6th century BC. Painted pottery in Yagorlyk settlement (the left bank of the Dneper estuary) is also dated to the first quarter of the 6th century BC. There is no any material of the end or the last quarter of the 7th century BC here.

Early material of the settlements to the east from the Berezan estuary, from Cape Ochakov to Olbia (Kutsurub-1, Shirokaya Balka-1) is also dated to the first quarter of the 6th century BC. In contrast to it, judging to our data, the settlements to the north from Olbia on the right bank of the Bug estuary (Chertovatoye-7, Staraya Bogdanovka-1) and the settlements on its left bank (Luparevo-1, Stanislav-1) appeared just after the middle-the beginning of the third quarter of the 6th century BC.

The results got after elaboration of the pottery from excavations of the early Greek settlements of the Low Bug area give evidences to correct all previous models and schemes of the process of Greek colonization of that part of the North Pontic area in general. Taking into account that the time of foundation of Olbia according to the newest data can be related about to the end of the first – the beginning of the second quarter of the 6th century BC, we can suppose the activities on settlement and cultivation of the Low Bug area were synchronized by that event. This theory is confirmed by the system of Greek colonial *extra-urban* sanctuaries in the region, which were founded approximately at that time. They outlined the boundaries of a future chora and the polis on the whole. In our opinion it happened simultaneously according to the previously considered plan of colonization.

Present day chronological reference points of the appearance of series of agricultural settlements in the Low Bug area denies widely spread point of view that Borisfen had its own chora. It did not possess the chora by virtue of its character. As distinct from it, from the very beginning Olbia was programmed as the city and the centre of a future polis with the necessary inner territory sacred for the development of its own agriculture. After the foundation of Olbia, most probably in two takings 1) the first quarter – the middle of the 6th century BC (Rybakovka – Shirokaya Balka, fig.1, N 1-40) and 2) the middle – the third quarter of the 6th century BC (Chertovatoye – Varvarovka – Stanislav, fig 1, N 41-86-106), its chora in the Low Bug area was settled and cultivated, hence the polis of Olbia got all necessary elements and features of a colonial polis.

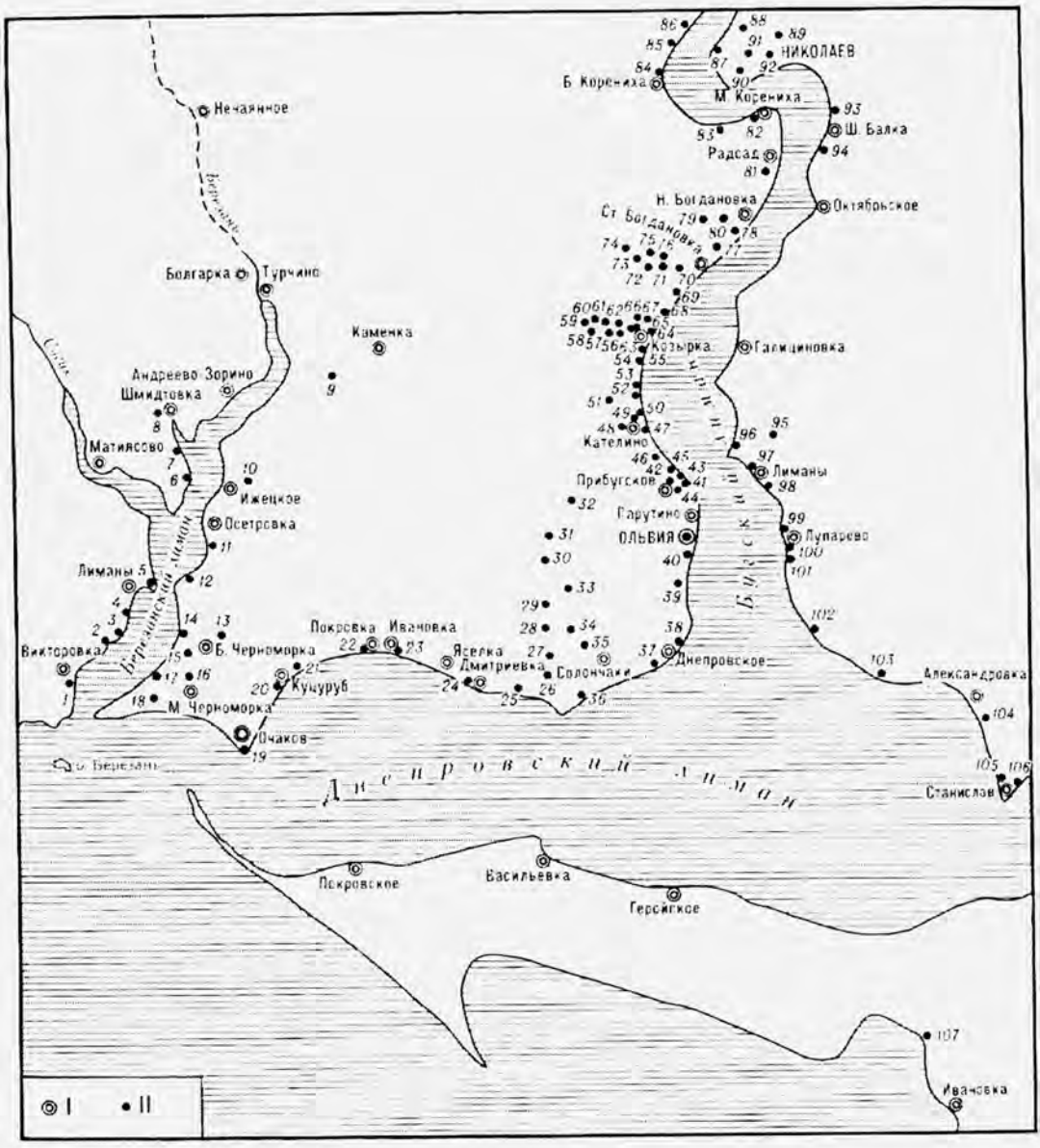

Рис. 1. Нижнее Побужье. Хора Ольвии архаического времени.

I – современные населенные пункты; II – античные поселения (по: Крыжицкий, Буйских, Отрешко,1990).

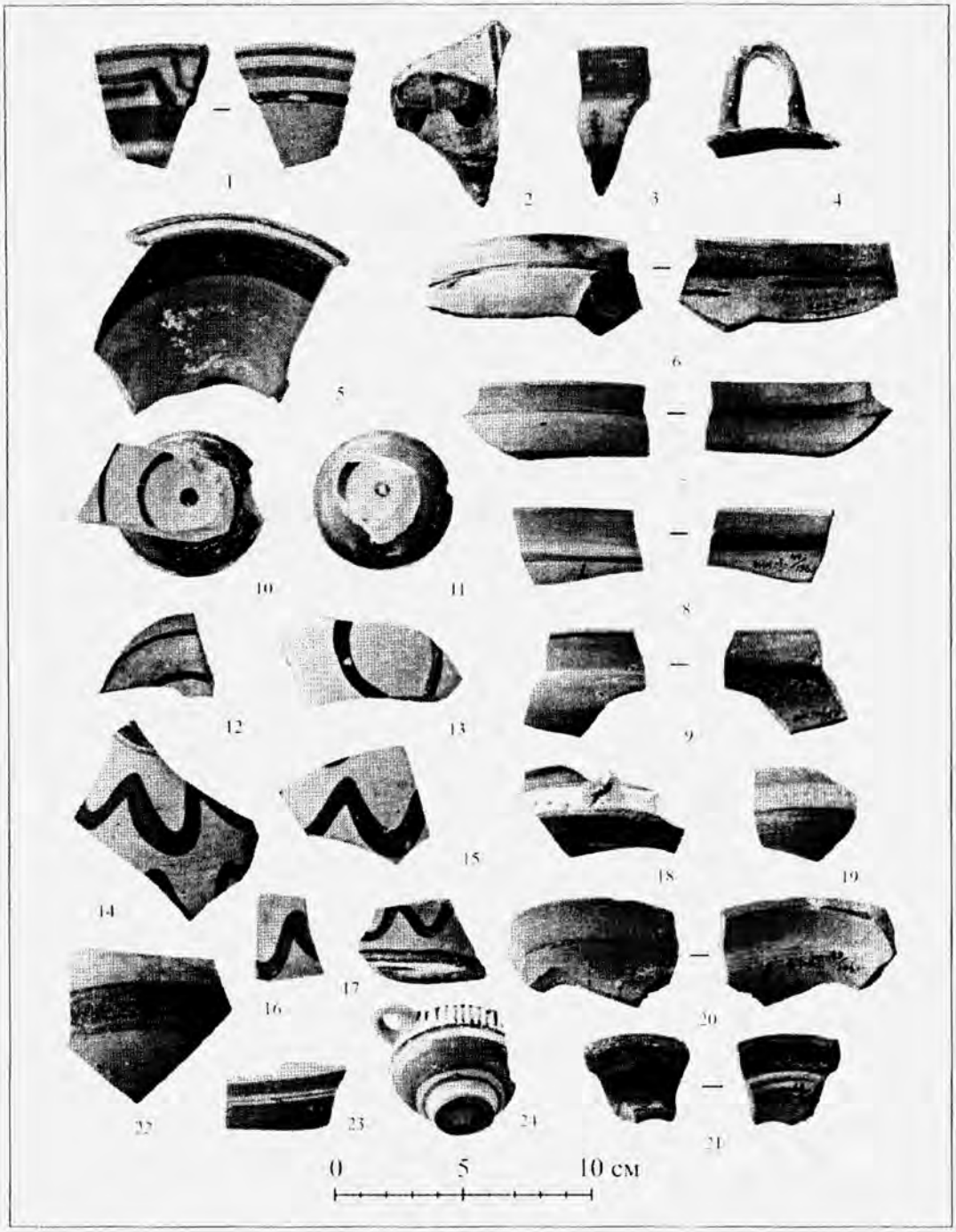

Рис. 2. Викторовка-I.

1-17, 20-23 – восточногреческая керамика; 18, 19 – лаконская керамика; 24 – коринфская керамика.

Рис. 3. Каборга-I.

1. 3. 4. 11-15 – восточногреческая керамика; 2 – лаконская керамика; 5-10 – коринфская керамика.

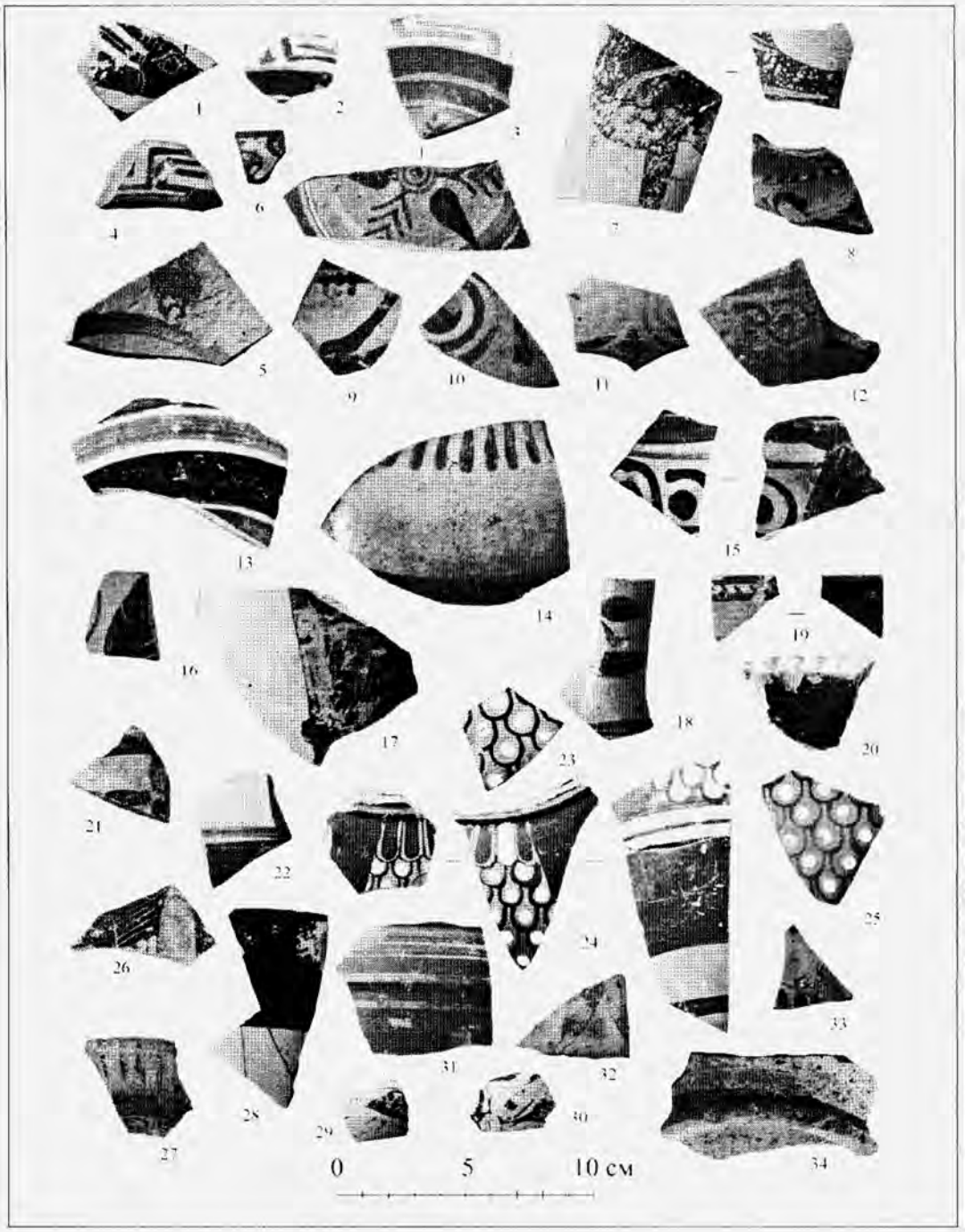

Рис. 4. Большая Черноморка-II.

1-18, 21-26, 31-34 – восточногреческая керамика; 19, 20 – хиосская керамика; 27-30 – коринфская керамика.

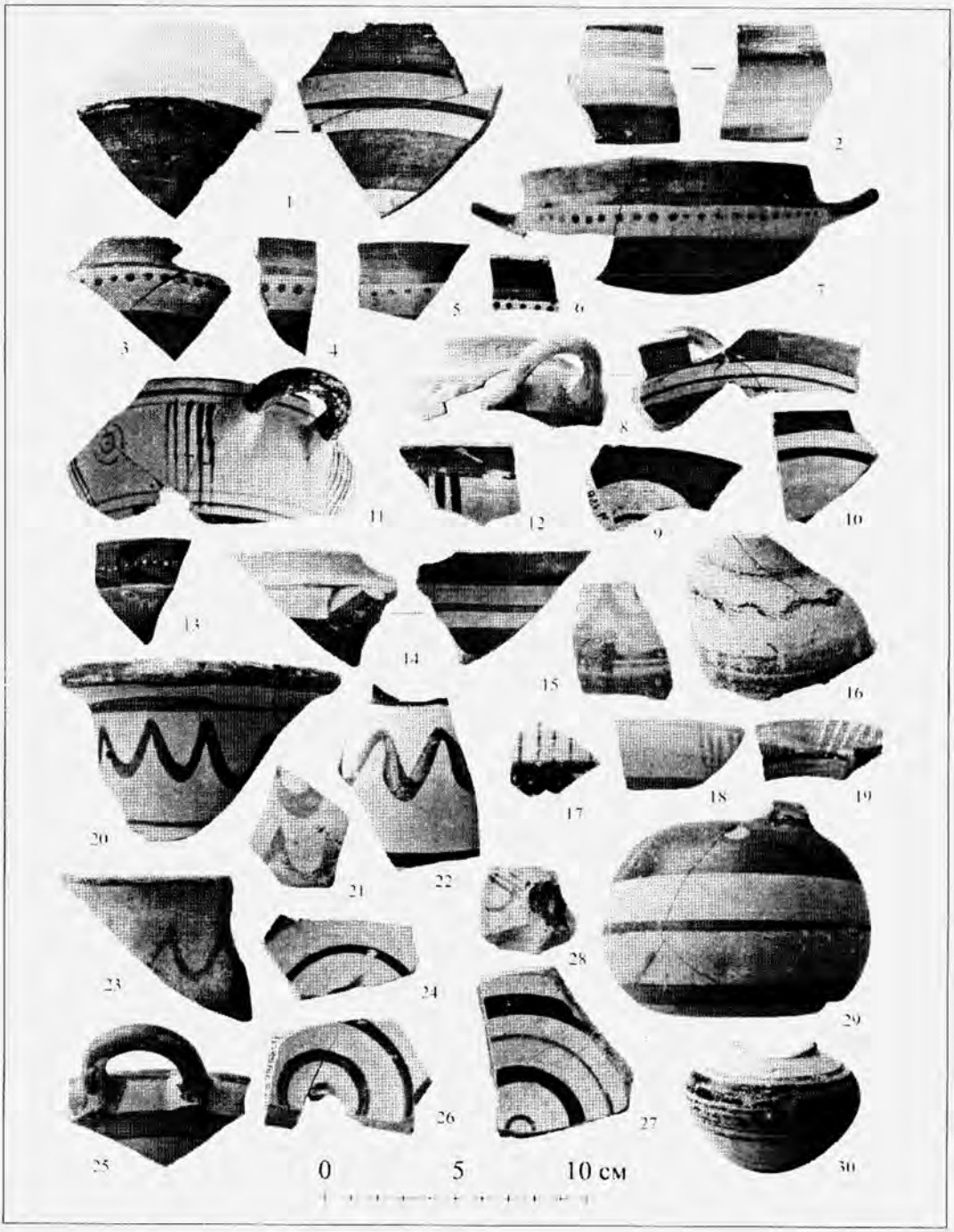

Рис. 5. Большая Черноморка-II.

1. 2. 8-10. 13-30 – восточногреческая керамика; 3-7 – лаконская керамика; 11-12 – паросские килики.

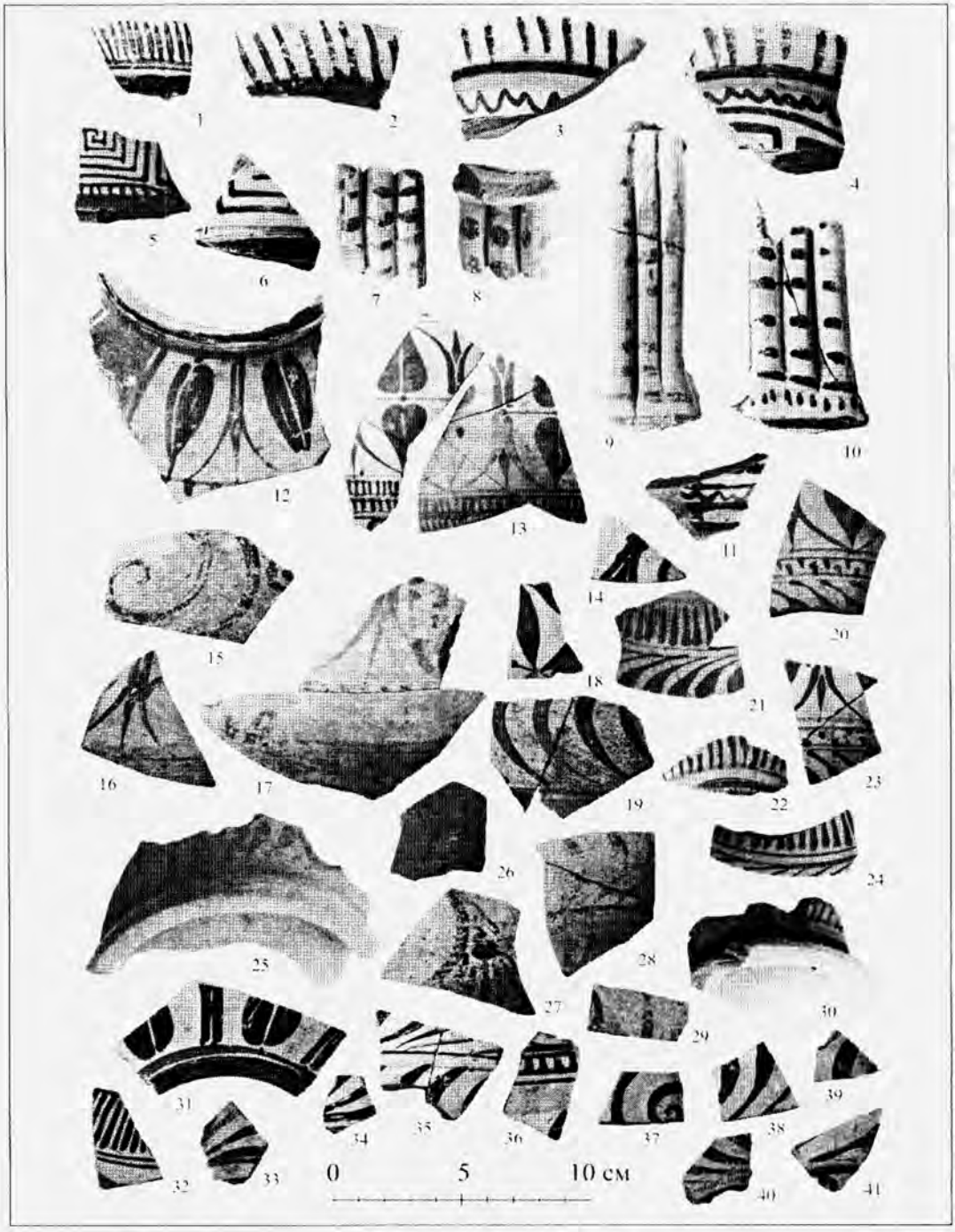

Рис. 6. Большая Черноморка-II.

1-41 – керамика стиля Фикеллура.

Рис. 7. Бейкуш.

1-18, 21-28 – восточногреческая керамика; 19-20 – паросские килики.

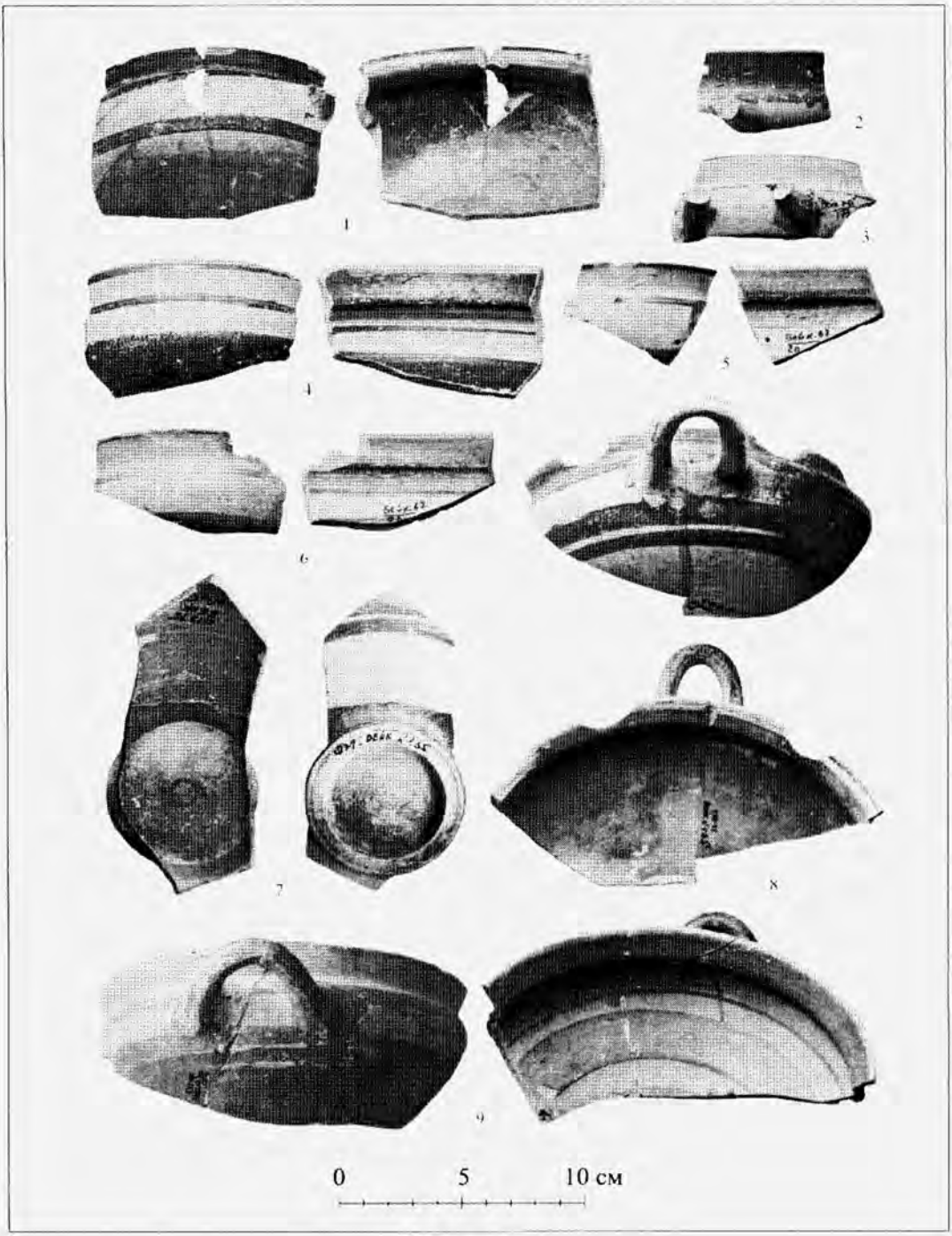

Рис. 8. Бейкуш.

1-9 ионийские килики.

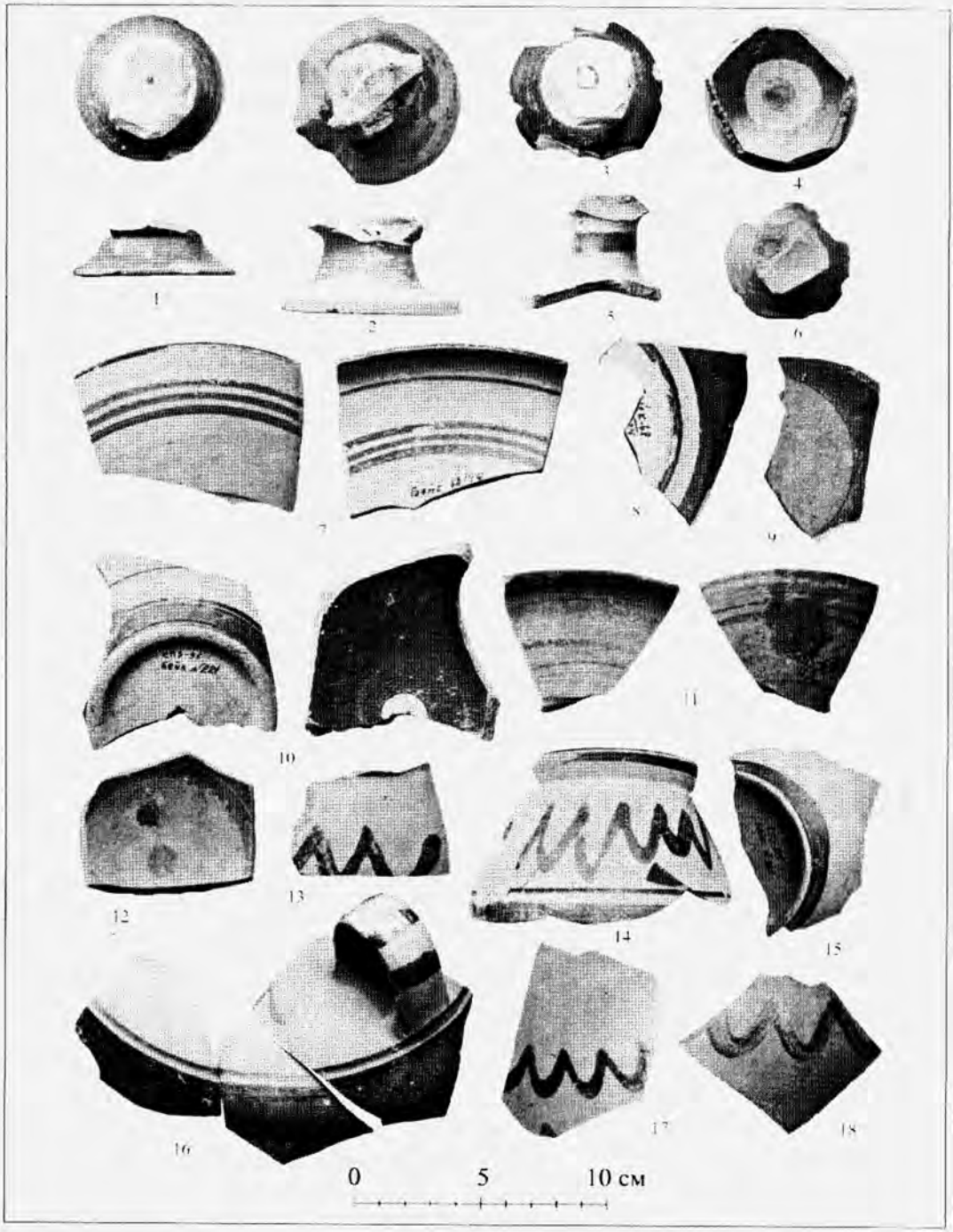

Рис. 9. Бейкуш.

1-17 – восточногреческая керамика.

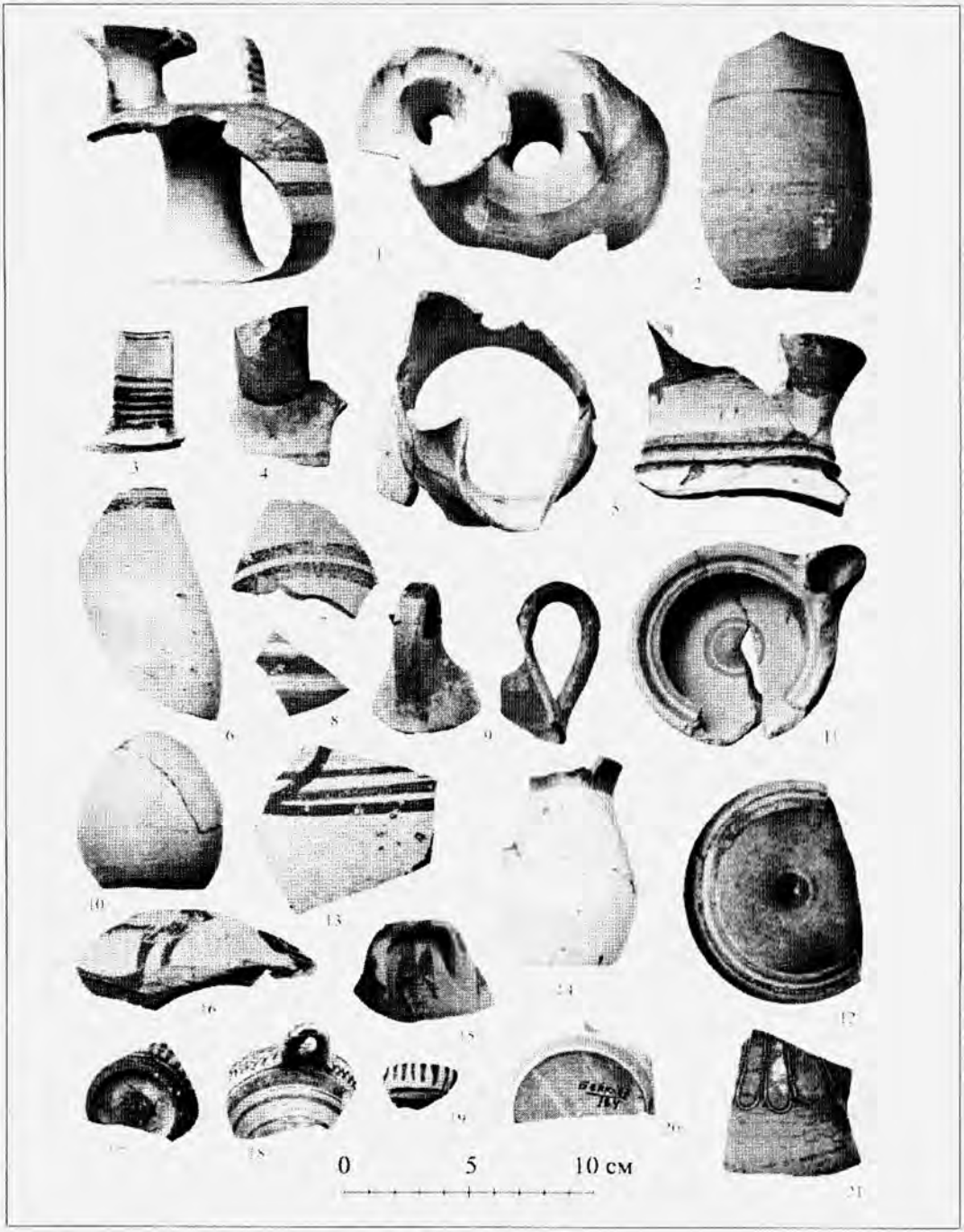

Рис. 10. Бейкуш.

1-12. 15 – восточногреческая керамика; 13. 14. 20 – хиосская керамика; 16-19 коринфская керамика; 21 – родосская керамика.

Рис. 11. Бейкуш. Горло и фрагменты амфоры стиля Фикеллура.

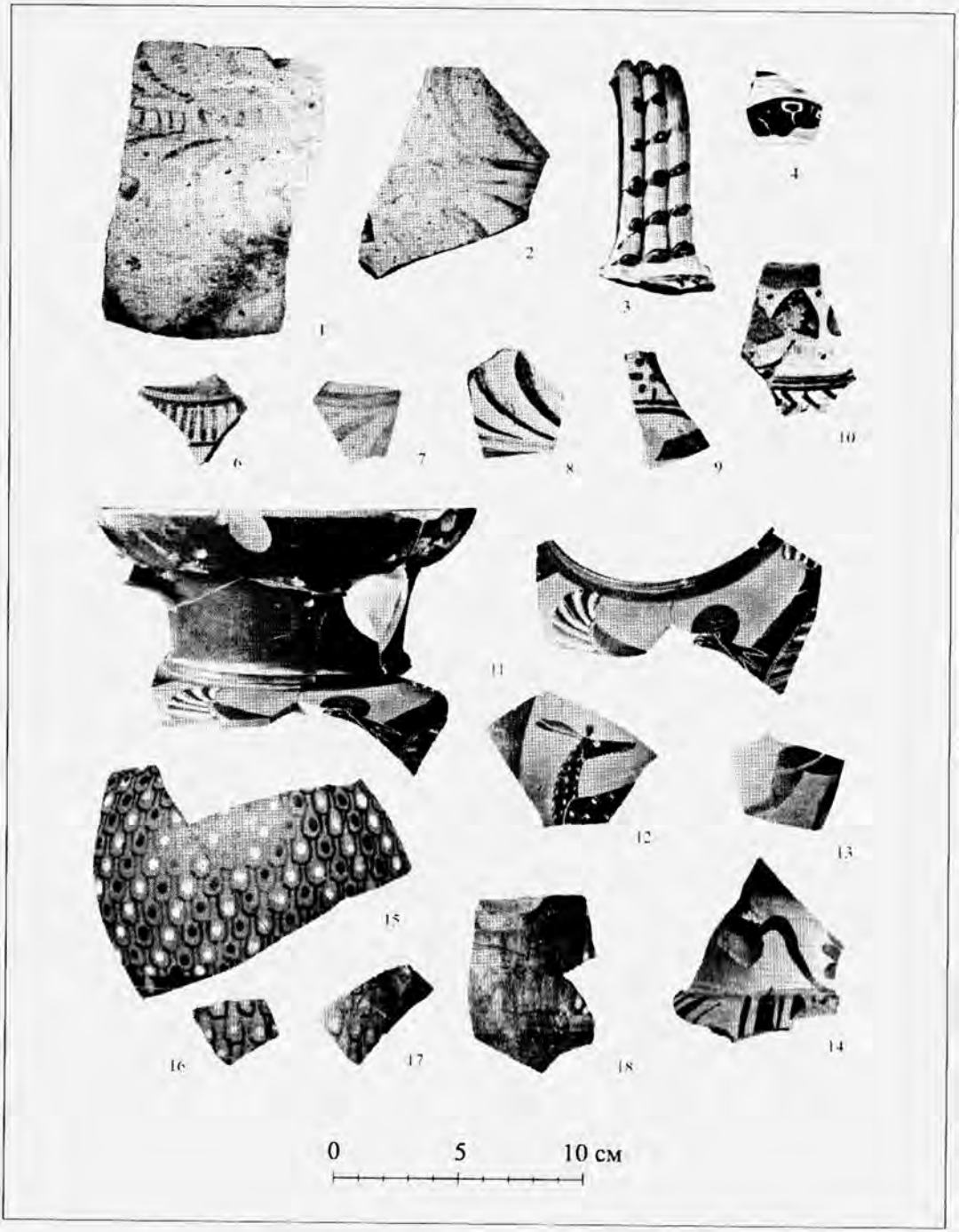

Рис. 12. Бейкуш.

1-10 – керамика стиля Фикеллура; 11-18 – клазоменская керамика.

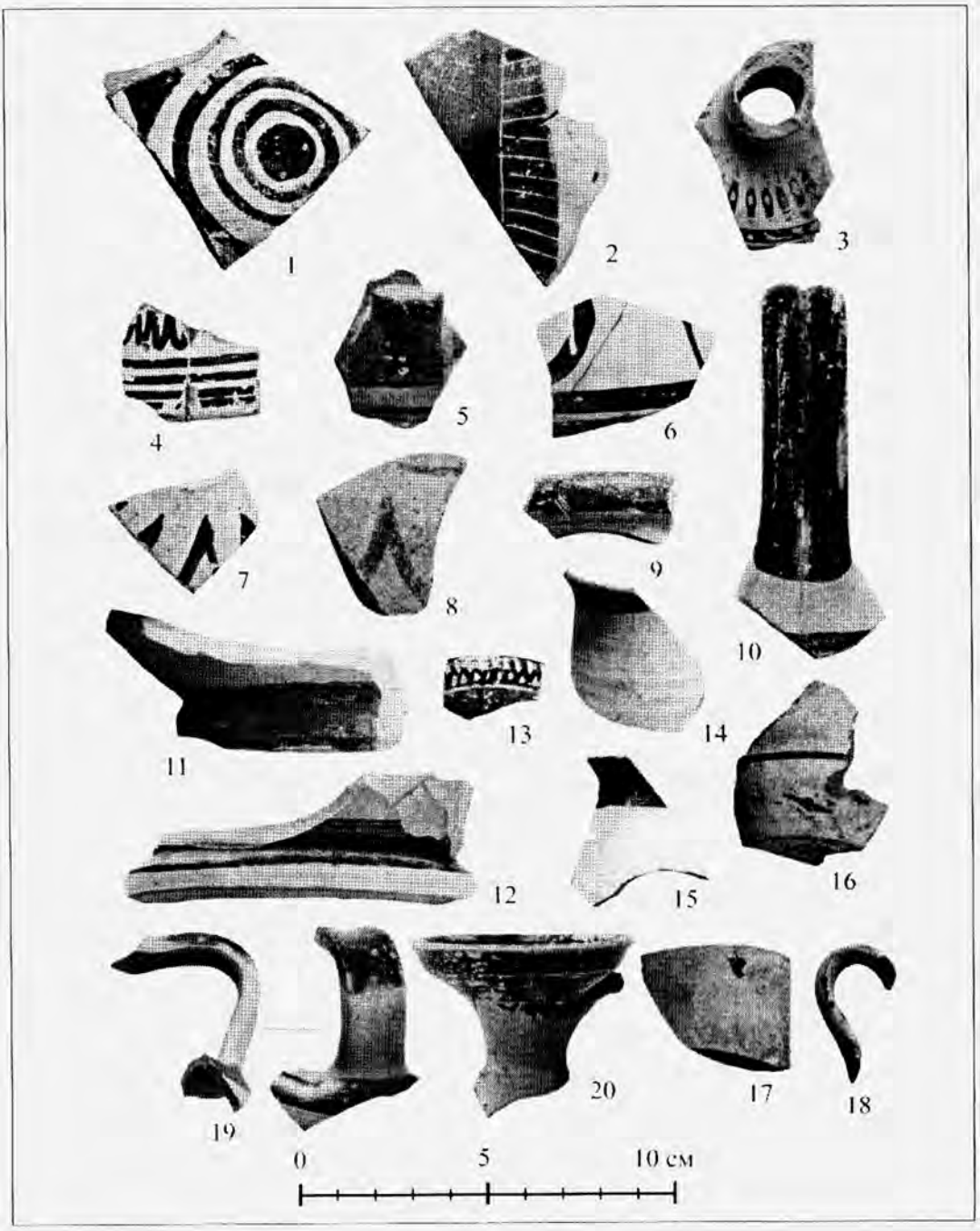

Рис. 13. Куцуруб-1.

1. 2 – североионийская керамика; 3. 13 – коринфская керамика; 4-12 – ионийская полосатая керамика; 14-18 – хиосская керамика; 19. 20 – аски.

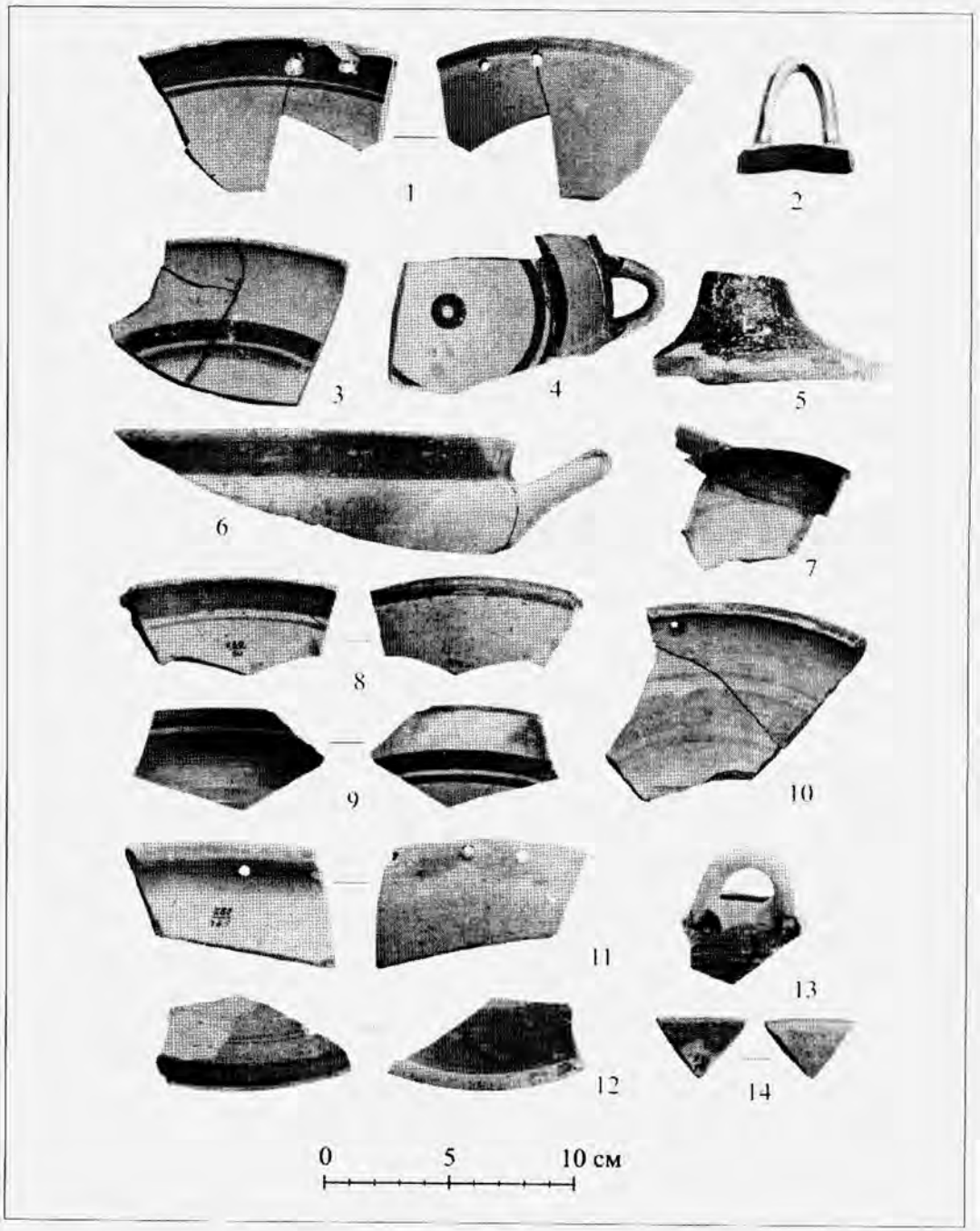

Рис. 14. Куцуруб- 1.

1-5. 7-9. 13 – ионийские полосатые килики, тарелки и миски; 6. 10. 11. 12 – местные (?) имитации ионийских открытых форм.

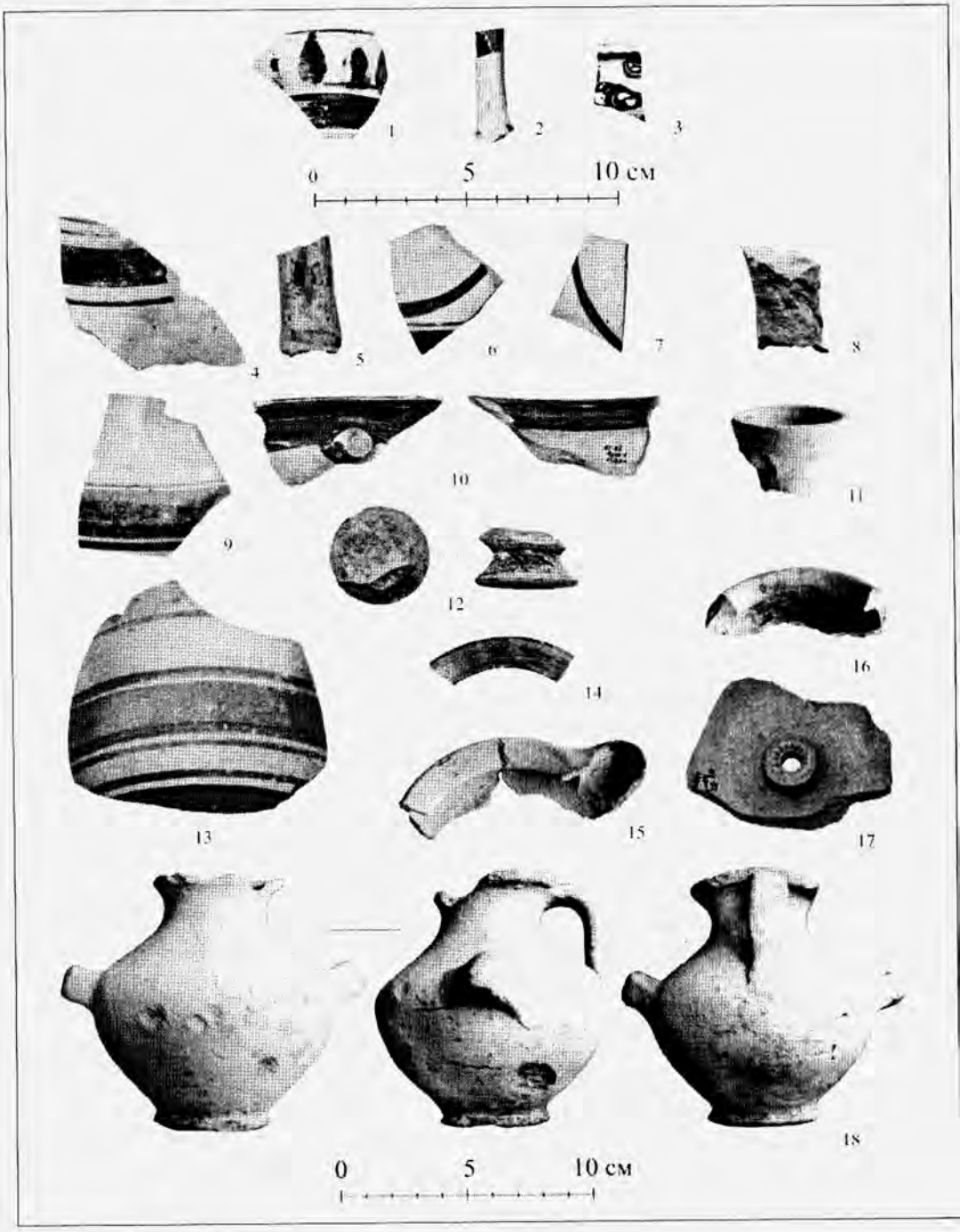

Рис. 15. Аджигол-I.

1 – коринфская керамика; 2. 3 – хиосская керамика; 4-18 – восточногреческая керамика.

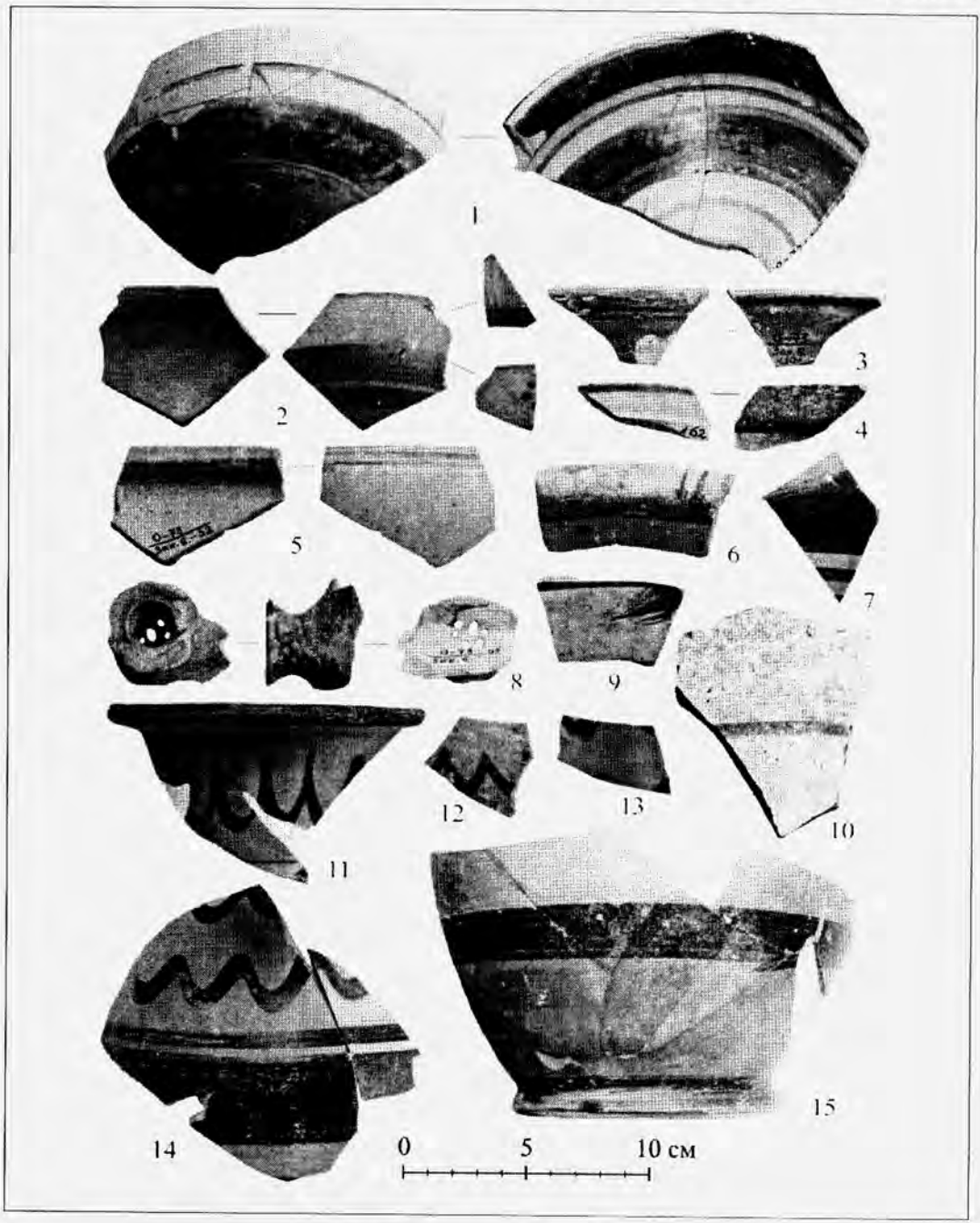

Рис. 16. Закисова Балка-I.

1. 4 – ионийские килики; 2 – килик с точечными розеттами; 3. 5 - местные (?) имитации ионийских открытых форм; 6-9 – североионийские (?) открытые и закрытые сосуды; 10 хиосский канфар; 11-15 – ионийская полосатая керамика.

Рис. 17. Широкая Балка-1.

1 – хиосский кубок; 2. 6-9 – коринфская керамика; 4 – килик парросского типа; 3. 12 – ионийские открытые сосуды; 11 – лаконский килик; 13-15. 19 – североионийские столовые амфоры; 16-18. 21. 22 – ионийская полосатая керамика; 20 имитация сосуда стиля Фикеллура (?).

Рис. 18. Широкая Балка-1.

1. 9. 10. 14 - местные (?) имитации ионийских открытых форм; 2. 3 – ионийские килики; 4-8, 11-13. 15 – ионийские чаши и другие открытые сосуды.

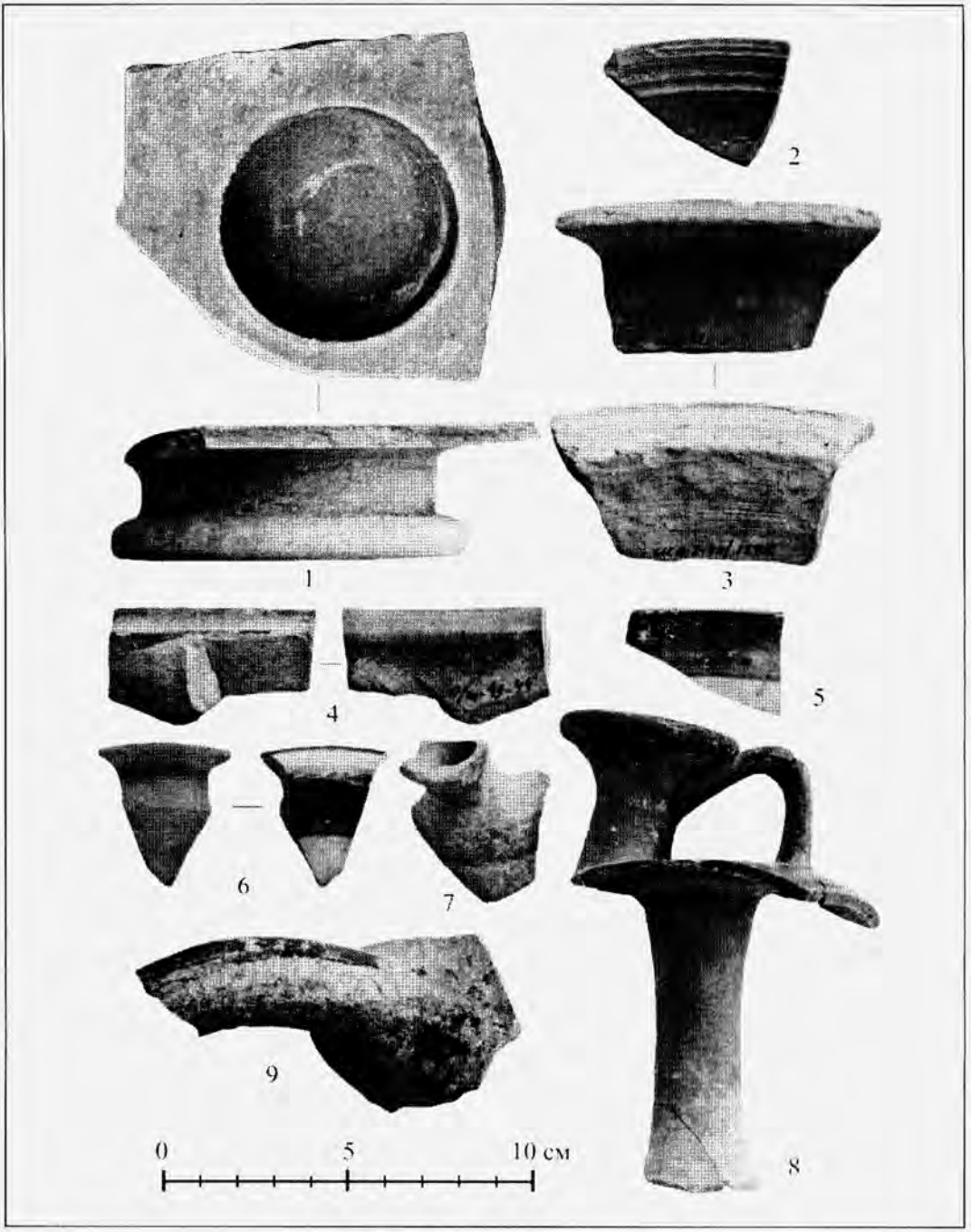

Рис. 19. Широкая Балка- I.

1-3 - местные (?) имитации ионийских открытых форм; 4-6 – лекана и другие ионийские полосатые сосуды; 7. 8 – аски; 9 – ручка ионийской гидрии.

Рис. 20. Чертоватое-VII.

1. 2. 6. 8-20 – восточногреческая керамика; 3. 4. 7 – хиосская керамика; 5 – лаконская керамика.

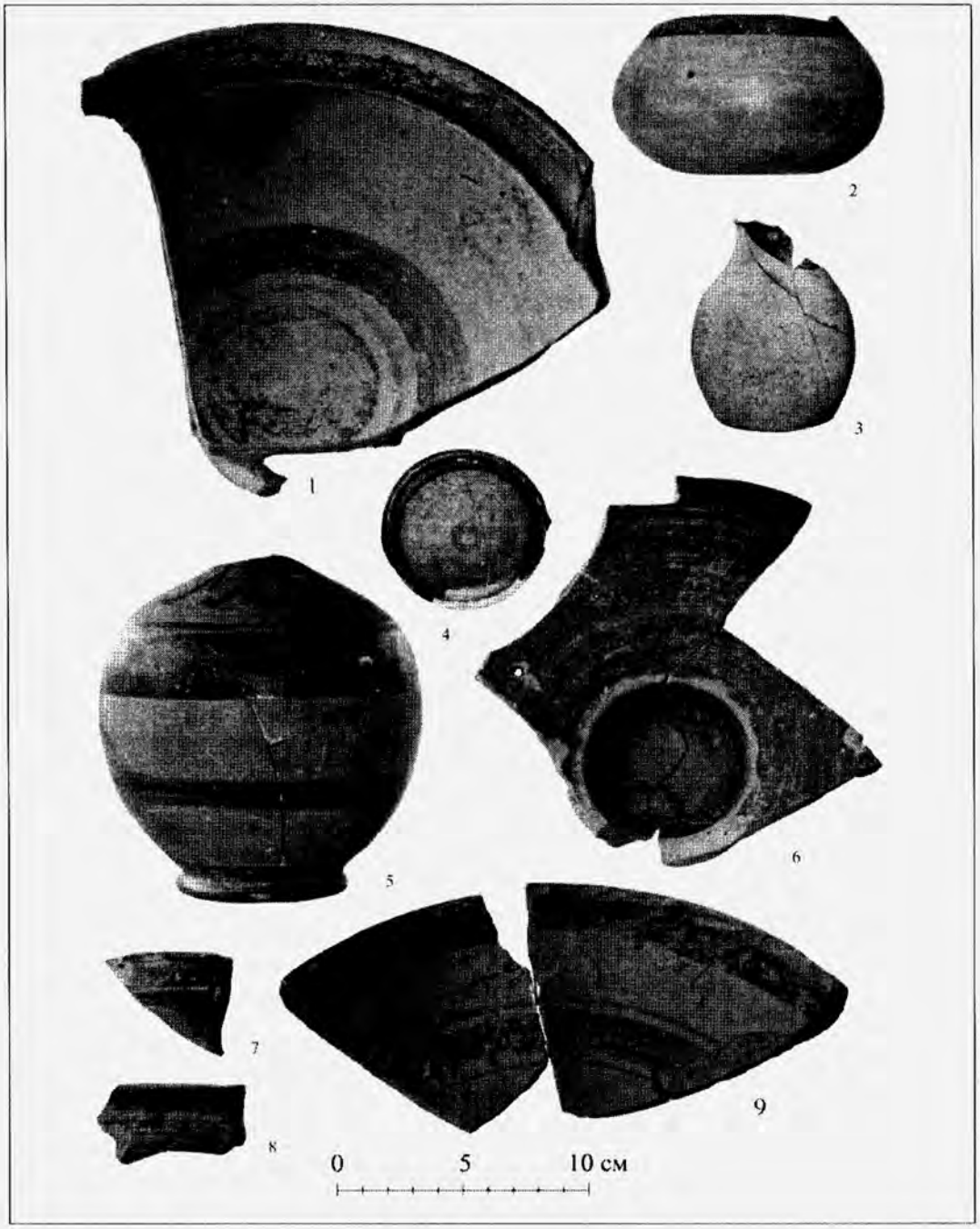

Рис. 21. Чертоватое-VII.

2. 4. 5 – восточногреческая керамика; 3 – хиосская керамика; 1. 6-9 – местные (?) имитации восточногреческой керамики.

Рис. 22. Старая Богдановка- I.

1. 2. 4. 6. 7. 12 – ионийские столовые сосуды; 3 – амфора стиля Фикеллура; 5 – имитация стиля Фикеллура (?); 8. 9-11 – коринфская керамика.

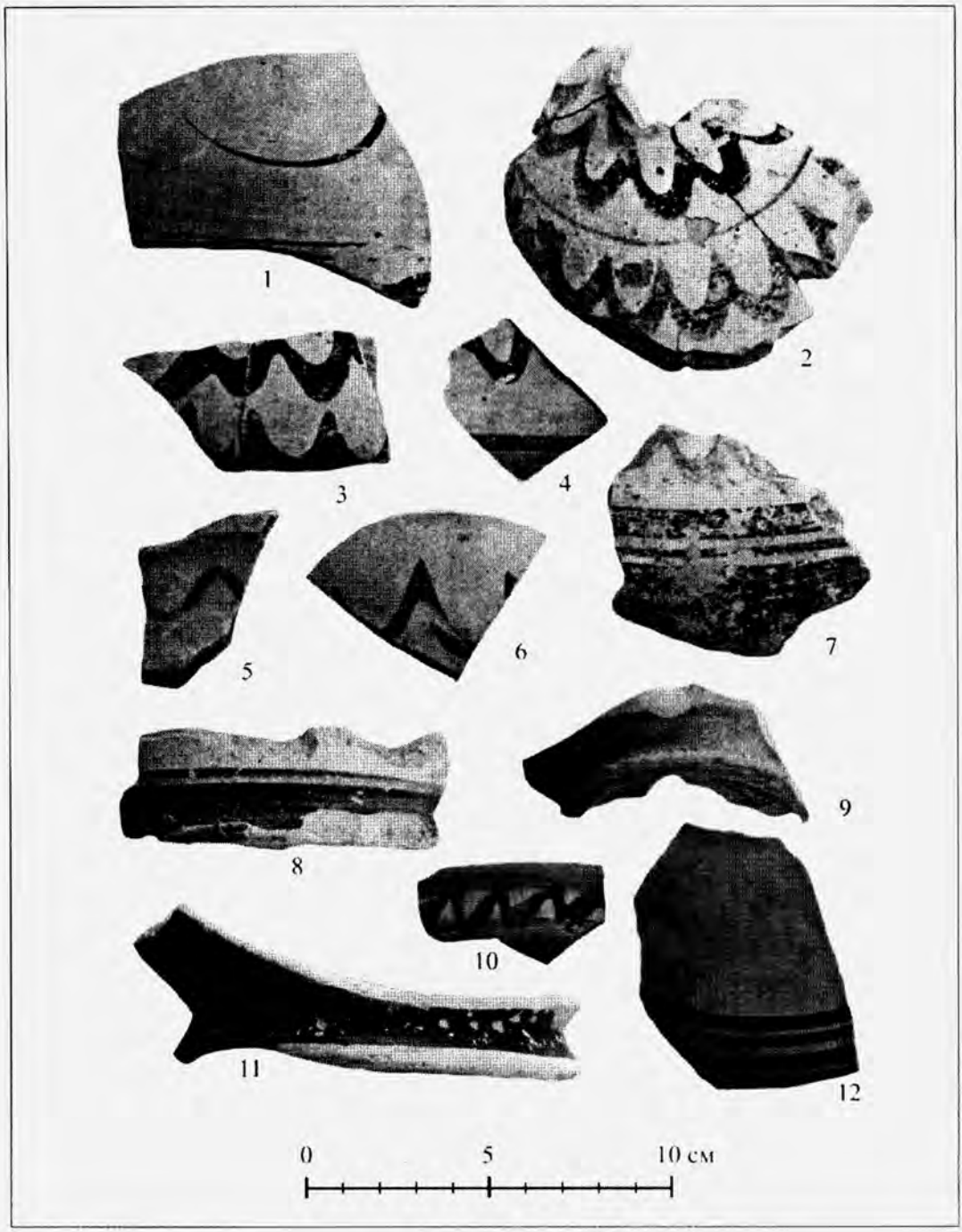

Рис. 23. Старая Богдановка- I.
1-12 – ионийские полосатые сосуды.

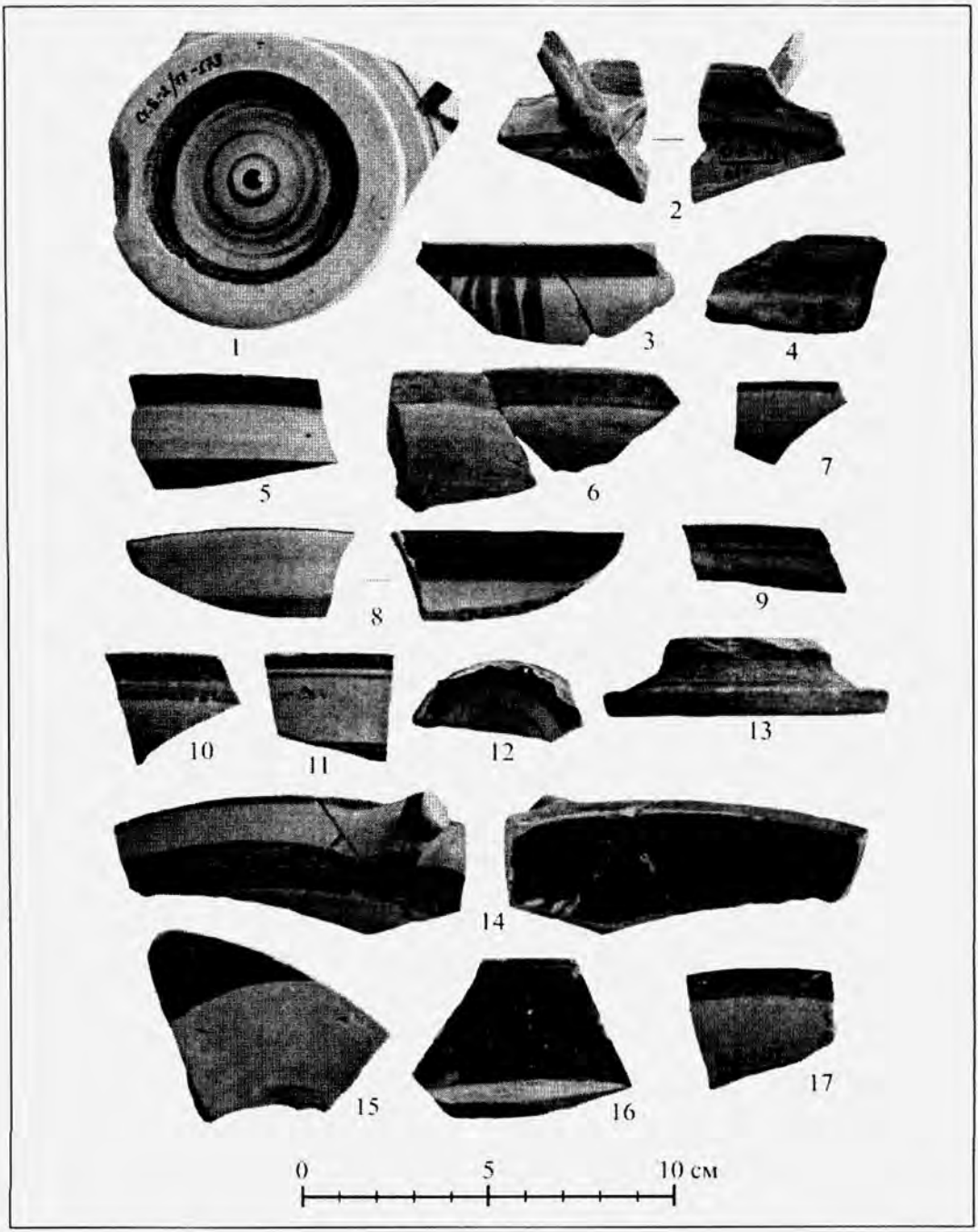

Рис. 24. Старая Богдановка- I.

1. 5. 7. 10-12. 14-17 – ионийские чаши; 2. 8. 9. 13 – ионийские килики; 3. 4 – килики парросской группы; 6 - местная (?) имитация ионийской открытой формы.

Рис. 25. Старая Богдановка- I.

1-3 – ионийские чаши; 4. 5. 8. 15-18 – ионийские кувшинчики; 6. 7. 9. 14 – хиосские кувшинчики и канфар; 10-13 – аски.

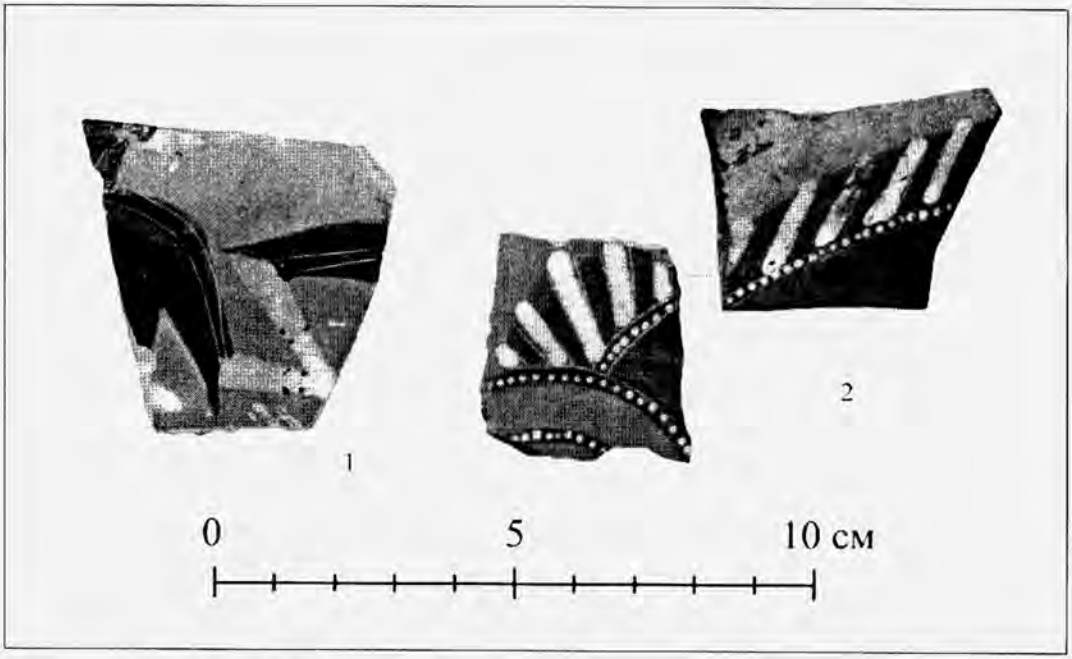

Рис. 26. 1. Лупарево-II. 2. Станислав-I. Фрагменты клазоменских амфор.

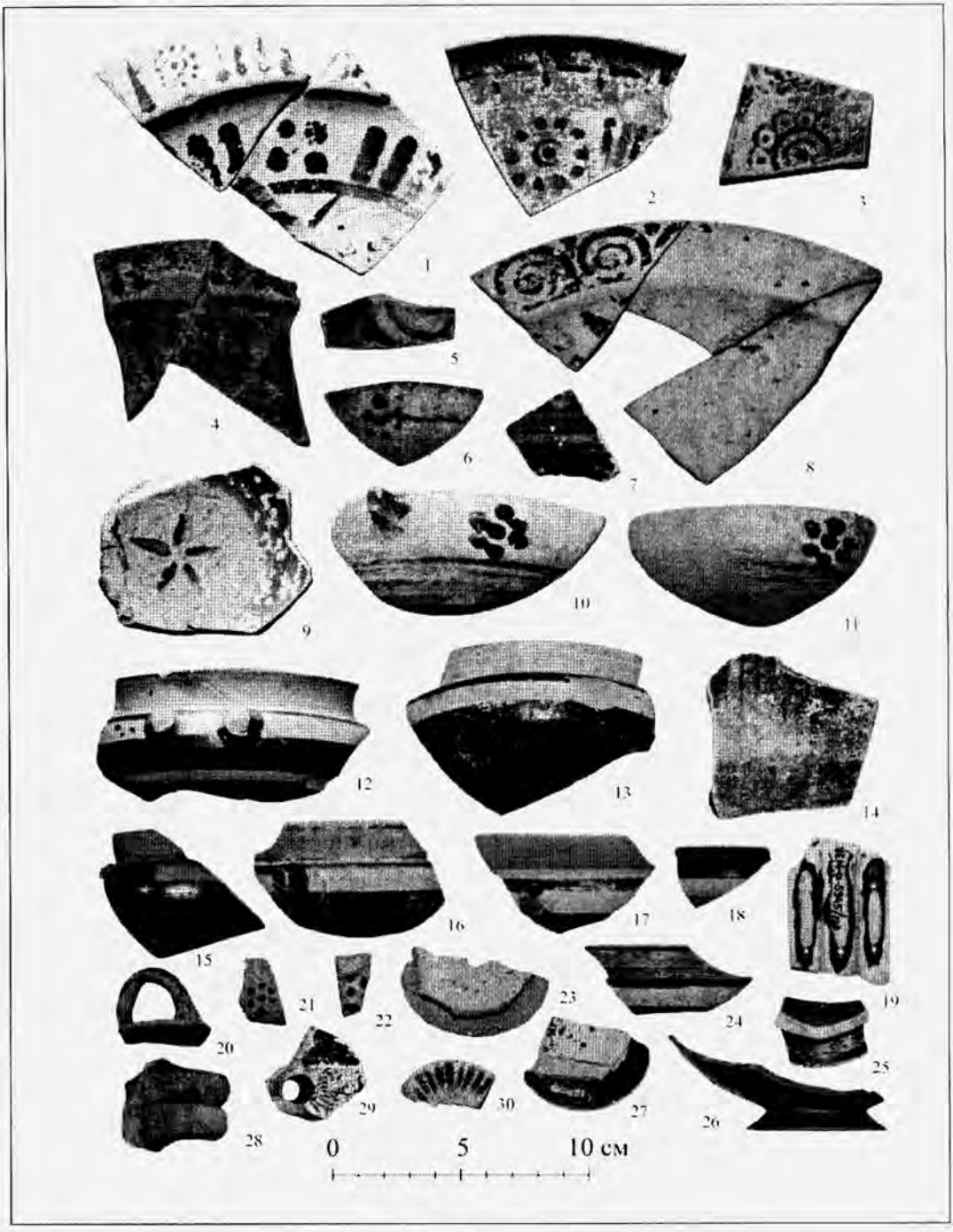

Рис. 27. Ягорлык.

1-28 – восточногреческая керамика; 28. 30 – коринфская керамика.